

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 3 мѣсяца 5 франк.
» 2 мѣсяца 3 »
» 1 мѣсяцъ 2 »

ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ
1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные нумера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденции въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

1-ое ФЕВРАЛЯ 1883

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Петербургскій калейдоскопъ и московскіе «машинники». — 2) Крестьянскіе гласные въ Кологривскомъ земскомъ собраніи (корреспонденція «Вольнаго Слова»). — 3) Письма пѣз Австрійской Украны, II. — 4) Восемнадцатъ лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ, III. З. С. 5) Послѣдніе крестьянскіе митинги въ Австріи, II—III. В. Мак. — 6) Новѣйшіе подходы къ социальному вопросу, II, Argus. — 7) Рабочій день и фабричное законодательство. В. Г. — 8) Изъ бумагъ редакціи «Колокола»: I. Иркутское письмо М. А. Бакунина къ А. Н. Герцену. — 9) Извѣстія и замѣтки: Голодный протестъ въ Одесской тюрьмѣ. — Прокламація въ Одессѣ. — О студенческихъ волненіяхъ въ Казани. — Русская полиція въ Румыніи. — Толстой Христосъ и Толстой-Каафа. — Судъ русскихъ газетъ о Гамбеттѣ. — Лионскій процессъ такъ наз. интернаціоналистовъ-анархистовъ.

Женева, 1 февраля 1883.

Изъ Петербурга опять идутъ вѣсти о томъ, что стеклышки придворно-административнаго калейдоскона опять завертѣлись. Говорятъ, что тамъ предетонть смѣна не только г. Набокова и Вунге, но и г. Толстого и даже г. Побѣдоносцева. На мѣсто г. Толстого будто бы имѣются кандидаты: ген. Дренгелъ или князь Дондуковъ-Корсаковъ. Другіе говорятъ, что царь изъявилъ желаніе совѣтоваться съ триадою г. Лорисъ-Меликова, г. Дм. Милютина и г. Абазы, если еще не вручить имъ правленіе. Наконецъ увѣряютъ, что будто бы имѣется въ виду, по удаленіи г. Толстого, образовать «дѣловой», не-политическій кабинетъ, который-де будетъ переходомъ къ «политическому» кабинету — г. Игнатъева. (Интересно было бы посмотреть на «дѣловаго» человека, который бы номѣстился между такими двумя кабинетами: — храни-бездѣльнымъ и болтливо-бездѣльническимъ!)

Должно быть въ этихъ вѣстяхъ о возвращеніи петербургскаго калейдоскона есть какая нибудь доля правды, судя по тому, что Эгерія г. Толстого, г. Катковъ сталъ ворчливѣе и недоволенъ правительствомъ, недоволенъ и произнесеніи истинно «крамольническихъ» рѣчей. Познакомый съ истиннымъ ходомъ дѣлъ въ Россіи и слышавшій, что въ Россіи правительство самодержавное, даже удивится, какъ это г-ну Каткову сходятъ его крамольныя рѣчи.

Въ самомъ дѣлѣ, — прочтите, напр., распоряженіе о закрытіи «Страны», написанное, кстати сказать, съ небывалою обстоятельностью, показывающее, что оно писалось не столько для публики, среди которой врядъ ли практично было для г. Толстого распространять посредствомъ «Правительственнаго Вѣстника» идеи запрещаемой газеты, сколько

ко для царя, которому надо было показать, отъ какой крамолы спасаетъ его бдительный министръ. Оказывается, что «Страна» запрещена за то, что она стремилась «представить общее положеніе дѣлъ въ нашемъ отечествѣ въ самомъ безотрадномъ видѣ», что въ первомъ номерѣ этой газеты «съ непозволительною дерзостью заявляется объ отсутствіи въ сферахъ управляющихъ искренности и сколько нибудь рациональныхъ, приведенныхъ въ систему идей, о господствѣ у насъ правительственнаго бездѣйствія и общественнаго недоумія». Посмотрите же теперь финалъ передовой статьи въ 5 №-рѣ «Московскихъ Вѣдомостей», вышедшей въ тотъ самый день, когда подписано было г. Толстымъ распоряженіе о закрытіи «Страны», — и вы увидите, какъ газета г. Каткова, похваливъ Германію за то, что у нея «есть правительство, которое не становится игрой интригъ, которое знаетъ, что хочетъ, и дѣйствуетъ съ неуклонною послѣдовательностью», заявляетъ, даже не косвенно, а прямо, что въ Россіи правительство не знаетъ, чего хочетъ, и даже пѣчто худшее. Начинаетъ г. Катковъ, конечно, съ «ингиллистовъ», — но зло видитъ не въ нихъ, а въ самомъ правительствѣ. Ингиллисты, говоритъ онъ, не то что пѣмецкіе социаль-демократы; ингиллисты «искусственно сфабрикованы изъ школьной молодежи въ цѣляхъ темной, злоумышленной интриги, враждебной русскому государству. Зло главнымъ образомъ заключается не въ ингиллистахъ, а въ томъ, что все русское интеллигентное, или попросту сказать, умѣющее читать общество въ Россіи находится подъ постояннымъ, ежедневнымъ, невозбратнымъ дѣйствіемъ того же злоумышленного обмана, который держитъ для своихъ цѣлей и шайку ингиллистовъ. Зло въ томъ, что общество деморализовано, не видя ни въ законодательственныхъ мѣрахъ, ни правительственныхъ дѣйствіяхъ руководящего для себя начала. Общество посяигивается и направляется государствомъ. Если народъ не чувствуетъ твердыхъ указаній для себя и держится то въ одну сторону, то въ другую, въ немъ никнетъ духъ, и онъ легко потомъ становится жертвой всякаго обмана...» (Многоточіе принадлежитъ самимъ «М. В.».)

Гдѣ интрига? Г. Катковъ ясно не говорить, а только намекаетъ — и намекаетъ довольно противорѣчиво. Что «ингиллисты» (въ значительной степени, по крайней мѣрѣ) сфабрикованы искусственно изъ учащейся молодежи,

— это теперь говорится и въ «ингиллистическихъ» признаніяхъ, — и намъ самимъ не трудно было бы доказать, что «ингиллисты» въ значительной степени сфабрикованы г. Шуваловымъ, Потаповымъ, Тимашевымъ, Толстымъ и т. д., какъ равно и то, что въ ноябрѣ и декабрѣ прошлаго года гг. Толстой и Делиновъ, во время студенческихъ волненій, «сфабриковали ингиллистовъ». Но, очевидно, г. Катковъ хотѣлъ указать не на этихъ фабрикантовъ, а на какіхъ то другихъ, на какую то другую интригу (ипогда г. Катковъ зоветъ ее рукою), которая «сфабрикуетъ и держитъ для своихъ цѣлей ингиллистовъ». Мы могли бы сказать, что со стороны г. Каткова, по меньшей мѣрѣ, очень не великодушно, что онъ, твердя 20 лѣтъ о томъ, что знаетъ такую «Руку — Интригу», не называлъ ее прямо по имени и отчеству, а все только намекалъ на нее, если бы мы не знали, что разговоры г. Каткова о таинственной «Руцѣ-Интригѣ» ничто иное, какъ только пріемъ, рассчитанный на слабыя мозги людей извѣстныхъ сферъ, а потому обратимся ко второму его намеку. Этотъ намекъ, заключающійся въ словахъ о ежедневно читающей публикѣ, указываетъ какъ бы на то, что «Рука-Интрига» проявляетъ себя въ печати, будто бы «невозбранно-дѣйствующей». Но и печать слишкомъ многорука, чтобъ быть ей самою «Рукой-Интригой». Во всякомъ случаѣ, если намекъ г. Каткова о «Руцѣ-Интригѣ» и темны, то «безотрадный» взглядъ его на правительство вполне ясенъ въ концѣ приведенной тирады: правительство не только не имѣетъ руководящихъ началъ, но даже держитъ народъ то въ одну сторону, то въ другую! Помилуйте, — да сама «Страна», — невозбранно приостановленная на 4 мѣсяца, — не позволила себѣ выразиться сильнѣе! За что же «Страну» запретили, а «Моск. Вѣд.» нѣтъ?!

За то ли, что «Страна», послѣ своихъ безотрадныхъ словъ объ «управляющихъ сферахъ», представляетъ въ безотрадномъ видѣ и «ничтожество образованнаго общества, не рѣшающагося энергически дѣйствовать для доставленія торжества своимъ идеямъ», тогда какъ г. Катковъ, повидному, не предполагаетъ никакого самостоятельнаго дѣйствія для общества, которое, по его словамъ, всегда «воспитывается и направляется государствомъ»? Но г. Катковъ далеко не простъ: конечно, и ему и его поклонникамъ приходится въ голову мысль: какъ же сдѣлать, чтобъ госу-

дарство направляло общество на пользу России, а не на вред, чтобы оно хоть не держало Россию изъ одной стороны въ другую, а тѣмъ паче, чтобы не становилось орудіемъ Руки-Интриги (Обманъ тожъ), которая «держитъ для своихъ цѣлей» п «нигилистовъ»? Неужели же имъ не приходитъ въ голову другаго средства, кромѣ возведенія на тронъ самого г. Каткова!? Это средство было бы уже слишкомъ просто, — просто до глупости, ибо по смерти г. Каткова пришлось бы опять искать (и кому?) новаго государственнаго Аппса! Чего же хочетъ московскій пророкъ, «ежедневно невозбранно» произносящій о правительствѣ фразы гораздо сильнѣе тѣхъ, какія въ «Странѣ» признаются «непозволительно дерзостью»?

Однако, чего же хотите и Вы? — чего добраго, спросить насъ—неужели Вы, волею словъ, желаете, чтобы г. Каткову было возбранено издаваніе его газеты? — Ни мало!

Пока по данному случаю мы ничего не хотѣли бы, кромѣ установленія и въ обществѣ, и въ управляющихъ сферахъ мнѣнія о г. Катковѣ, принимающемъ вотъ уже столько лѣтъ видъ пророка, какъ о человѣкѣ, который не имѣетъ за душою ровно никакой политической идеи и ничего опредѣленнаго, постояннаго, кромѣ личнаго самолюбія, которое заставляетъ его не только произносить чисто отрицательнаго, вполне нигилистическаго, характера рѣчи, но даже перемѣнять маски, смотря по времени. Послѣднее не разъ говорилось уже о г. Катковѣ въ противной ему русской печати, которая указывала на два періода дѣятельности московскаго публициста: англomanско-парламентскій до петербургскихъ пожаровъ 1862 г. и польскаго возстанія 1862—63 г., и московско-полицейскій — послѣ. Но и это указаніе не полно. Московскій пророкъ и во второмъ своемъ періодѣ перемѣнялъ по нѣскольку разъ маски.

Вотъ, напр., теперь онъ громитъ либерализмъ съ парламентаризмомъ и свободою печати и на дняхъ еще приравнивалъ сѣтованія русскихъ писателей на цензурныя стѣсненія къ жалобамъ воровъ на бдительность полиціи. А загляните, напр., въ «Московскія Вѣдомости» даже 1864 г. — и вы найдете тамъ, въ 27 №-рѣ, слѣдующія удивительныя вещи:

«Въ Финляндскій сеймъ, — говоритъ эта газета, — внесенъ новый проектъ закона о печати. По этому проекту печать въ Финляндіи освобождается не только отъ предварительной цензуры, но и отъ административнаго контроля, и подчиняется единственно суду, — т. е. освобождается вполне. Намъ пріятно вспомнить при этомъ, что освобожденіе печати не будетъ новою привилегіею Финляндіи: подобную же реформу правительство давно уже предположило и для русской печати. Какъ слышно, новый проектъ объ этомъ будетъ внесенъ для обсужденія въ государственный совѣтъ. Наше правительство, — продолжаютъ «Московскія Вѣдомости», — очевидно желаетъ дать эту льготу равномѣрно всѣмъ подданнымъ русской державы, и никакъ не устранять отъ нея тѣхъ, на комъ основана вся сила и значеніе русской державы. Законъ, опредѣляющій свободу печати, не можетъ быть разный въ разныхъ частяхъ одного и того же государства. Печать не есть чисто-мѣстный интересъ; она объединяетъ собою всѣ интересы. Законъ о печати есть одинъ изъ основныхъ элементовъ государственнаго права. Если въ одной части государства онъ будетъ дѣйствовать такъ, а въ другой части того же государства иначе, то неизбежнымъ послѣдствіемъ такого разногласія въ столь существенномъ пунктѣ непремѣнно произойдутъ самыя серьезныя замѣша-

тельства. Намъ кажется, что значеніе льготы не измѣнилось бы оттого, еслибы она пропущена для Финляндіи изъ одного источника и однимъ путемъ съ остальною Россіей. Теперь нельзя предвидѣть, какія основанія приметъ наше правительство для закона о печати въ цѣлой Россіи; но, по всему вѣроятію, основанія новаго закона о печати будутъ для всей Россіи не менѣе удовлетворительны, чѣмъ для отдѣльной Финляндіи. Что можетъ удовлетворить Россію, то, конечно, можетъ удовлетворить и Финляндію. Что безопасно для государственнаго интереса въ Финляндіи, то въ тысячу разъ безопаснѣе въ Россіи. Нельзя, однако не отдать справедливости истинно либеральному духу, который выразился въ проектѣ, вышедшемъ изъ рукъ финляндской администраціи и внесенномъ теперь въ сеймъ. Всѣ заботы составителей проекта направлены къ тому, чтобы оградить честь и интересы частныхъ лицъ отъ злоупотребленій печати. Государственный интересъ признается въ Финляндіи совершенно безопаснымъ и не требующимъ никакихъ особыхъ мѣръ для огражденія его съ этой стороны. Только въ одномъ пунктѣ финляндскій законъ оказывается крайне неллиберальнымъ. Онъ даетъ свободу финляндскому уроженцу высказываться только на шведскомъ и еще на финскомъ языкѣ; по для русскаго языка онъ не допускаетъ свободы ни въ какой степени, ни въ какой мѣрѣ. Въ Финляндіи есть люди русскіе; въ Выборгской губерніи ихъ много; но если бы кто-нибудь изъ нихъ захотѣлъ издавать газету или журналъ порусски, то посредъ полной, почти безусловной свободы, которая предоставляется шведской и финской печати, русскій человѣкъ, съ своимъ русскимъ языкомъ, остается подъ цензурой, остается единственно потому, что онъ русскій и желаетъ говорить порусски. Онъ остается несовершеннолѣтнимъ и неополноправнымъ. Чтобы стать самостоятельнымъ и свободнымъ, онъ долженъ обратиться или въ шведа, или въ финна. Вотъ какаго выходитъ странность: званіе русскаго въ предѣлахъ русскаго государства становится символомъ гражданской неполноправности! И есть еще люди, — продолжаютъ Московскія Вѣдомости, — которые хмурятся, слыша о намѣреніи нашего правительства освободить печать въ нашемъ отечествѣ! Есть люди, которые, будто бы изъ консервативныхъ видовъ, указываютъ на неспособность и незрѣлость русскаго общества для политическихъ льготъ! Боже мой! Когда же разсѣется этотъ туманъ, который застилаетъ глаза даже благонамѣреннымъ людямъ! Намъ приходится читать въ нѣкихъ журналахъ, не отличающихся особеннымъ консервативнымъ духомъ, тѣ же ссылки на незрѣлость русскаго общества. Только роковое недоразумѣніе съ одной стороны и самое злонамеренное ухищреніе съ другой могутъ поддерживать эту грустную и пагубную мысль въ нѣкоторыхъ умахъ и общественныхъ кружкахъ у насъ».

Вы видите, читатель, что въ 1864 году «Московскія Вѣдомости» подавали голосъ прямо за присоединеніе Россійской Имперіи къ Великому Княжеству Финляндіи съ ея политическими льготами! И это не было увлеченіемъ молодежи: г. Катковъ физически и тогда былъ болѣе, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ, и кромѣ того вышелъ уже изъ правдивной молодости русскаго публициста конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ. Но и въ 1864 г. еще продолжался въ Россіи напоръ либеральныхъ стремленій снизу и еще не изыскли либеральныя понозвенія у трона, между прочимъ потому, что поддерживать ручей ихъ требовалось по условіямъ внутренней и внешней политики: еще не было окончательно сломлено польское движеніе, — и при этомъ даже нѣкоторые противники сепаратистическихъ стремленій поляковъ, напр., дворяне многихъ губерній, подавали адреса о цѣлости государства, выражали и конституціонныя стремленія, — еще не затихло сочувственное Польнѣ движеніе въ Западной Европѣ, — и правительство считало нужнымъ показать, что оно въ

сущности прогрессивнѣе и даже либеральнѣе польскихъ повстанцевъ и не только не дѣлаетъ «впадать въ реакцію», но желаетъ неуклонно продолжать освободительныя реформы, которыми-де предназначено развивать все дальнѣе и дальнѣе, — о чемъ обо всемъ правительство и объявляемо не только въ Милитинскомъ «Русскомъ Инвалидѣ», но и въ Валуевской «Сѣверной Почтѣ». Еще осенью (6 сентября 1863 г.) самъ царь съ выноса трона, обращаясь къ финляндскому сейму (который, впрочемъ, онъ надумался созвать только на 8-ой годъ своего освободительнаго царствованія) съ словами, — что «въ рукахъ народа много либеральныхъ учрежденій не только не опасны, но составляютъ залогъ порядка и благоденствія», — и хоти и оговаривая послѣ словъ: «народа мудраго» — опредѣленіемъ: «готового дѣйствовать за одно съ своимъ государемъ съ практическимъ смысломъ для развитія своего благосостоянія», — по давалъ право думать, что тутъ идетъ дѣло о государѣ тоже на столько мудромъ и съ практическимъ смысломъ, чтобы дѣйствовать за одно съ своимъ народомъ для улучшения и своего благополучія.

Такъ вотъ въ такія то времена и г. Катковъ считалъ нужнымъ, въ перемежку съ полицейскими выкриками, провозглашать и явно либеральныя рѣчи, въ родѣ вышеприведенныхъ выше. При этомъ, кромѣ оглядовъ на либеральную струю при дворѣ, онъ руководствовался еще и надеждами, которыми внушилъ ему выраженія сочувствія со стороны тогдашнихъ консерваторовъ и брѣвоставовъ за его національно-централистическія и протривукрестьянскія тенденціи, надеждами, что при либеральныхъ учрежденіяхъ его вліяніе, по крайней мѣрѣ, еще болѣе будетъ обезпечено. Когда же, наконецъ, при дворѣ взяла верхъ открытая реакція, г. Катковъ не находилъ уже нѣкими рѣчей, въ родѣ вышеприведенныхъ, — остался при однихъ полицейскихъ возгласахъ, усиливая ихъ по мѣрѣ усиленія реакціи. Въ время Лорисовскихъ вѣяній, на Пушкинскихъ праздникахъ, и г. Катковъ попробовалъ сдѣлать поворотъ къ либеральнымъ нотамъ: но вѣянія оказались мыльнымъ пузырями, — а когда и они лопнули, какъ и слѣдовало ожидать, и когда на тронѣ не оказалось ничего, кромѣ страха «нигилизма» съ динамитомъ, г. Катковъ окончательно пристроился къ этому страху и эксплуатировать его съ мымъ безцеремоннымъ образомъ.

Будущій историкъ, обозрѣвая дѣятельность этого совершенно безпринципнаго человека, изображалъ популярность, какую онъ имѣлъ одно время среди, во всякомъ случаѣ, значительной части русскаго общества, и затѣмъ нравственную диктатуру его въ правительственныхъ сферахъ, — будетъ пораженъ тѣмъ степенью позора, какой долженъ падать на тѣхъ, кто могъ слѣдовать за этимъ человекомъ. Конечно, исторія петербургскаго двора богата позорными страницами, но пресмыканіе его передъ г. Катковымъ составило значительную по своей мрачности страницу даже въ этой исторіи. Все на свѣтѣ должно имѣть свои границы, — даже и ограниченность русскаго самодержавія!

Отъ парочки, г. Каткова и его орудія, г. Дм. Толстого, — который, какъ показано въ 1-мъ №-рѣ «В. Слова», въ эпоху дворцоваго дви-

рализма тоже писалъ либеральныя вещицы на французскомъ языкѣ и у котораго тоже пѣтъ ничего постоянного, кромѣ духа интриги и несправедливости къ мужику, — естественнѣе переходъ къ другой московской Эгерин, г. Ив. Аксакову, съ его Нумой Помпильемъ, гр. Игнатьевымъ, который опять угрожаетъ всплыть на верхъ въ петербургскомъ калейдоскопѣ. Намъ не трудно было бы показать, какъ и г. Аксаковъ мѣнялъ костюмы и какъ и онъ подвигался отъ арлекинской либерально-пароидическо-поповско-полицейской нестроты къ чисто-полицейскому мундиру, — но г. Аксаковъ, кажется, производилъ свои маскарады болѣе по простотѣ, чѣмъ по расчету, а потому мы на сей разъ оставимъ его въ сторонѣ — и займемся его Нумою.

Этотъ, конечно, не просто — и оригинальнымъ образомъ соединяетъ черты легкости Ноздрева и Хлестакова съ расчетомъ Чичикова. Многимъ было извѣстно, что онъ не прочь отъ ряженія во всякія политическія маски, — но въ печатаемомъ дальше письмѣ Бакунина къ Герцену читатель найдетъ новыя наглядныя указанія на то, черезъ какое либеральное ряженіе перешелъ и этотъ человекъ въ началѣ 60-хъ годовъ. Прочтите въ письмѣ Бакунина программу Муравьева Амурскаго, которую раздѣлялъ и Игнатьевъ, — программу, правда, неконституціонную относительно верховъ государства, но очень либеральную относительно его низовъ, — и сравните ее съ тѣмъ, что дѣлалъ гр. Игнатьевъ во время своего визита. И напрасно бы кто сталъ думать, что гр. Игнатьевъ просто хлестаковствовалъ передъ Бакунинымъ въ Иркутскѣ. Хлестаковщина сама по себѣ, — но припомнимъ, что дѣло идетъ о томъ времени, когда Александръ II самъ читалъ «Колоколъ», а Ростовцевъ въ комисіи по крестьянскому дѣлу включалъ «Колоколъ» въ число пособій для изученія этого дѣла, и когда не только молодые, но и пожилые карьеристы, словно «перелеты» времени Вас. Шуйскаго, считали долгомъ «забѣжать» и передъ Герценомъ. Во всякомъ случаѣ либеральничанье помогло началу карьеры ген. Игнатьева, что не помѣшало ему, какъ оказывается изъ воспоминаній Андрея Муравьева, занять видное мѣсто въ интригѣ, выдвинувшей Муравьева Вѣдателя на мѣсто вилевскаго диктатора. Затѣмъ даже въ константинопольскій періодъ службы гр. Игнатьева проносились по Россіи слухи о его либеральныхъ стремленіяхъ, о которыхъ намекалъ передъ самымъ началомъ послѣдней войны постигшій его г. Суворинъ, свидѣтельствовавшій особенно о его уваженіи къ общественному мнѣнію и печати. А чѣмъ ознаменовалъ свой петербургскій визитъ гр. Игнатьевъ, между прочимъ, и относительно печати?!

И такіе безпринципные и безцеремонные «машкарники» держать въ рукахъ своихъ судьбу великой страны, ведя ее къ явному матеріальному и нравственному банкротству. Можетъ ли быть зрѣлище постыднѣе этого?!

КРЕСТЬЯНСКІЕ ГЛАСНЫЕ ВЪ КОЛОГРИВСКОМЪ ЗЕМСКОМЪ СОБРАНІИ 1882 Г.

(Корреспонденція «Вольнаго Слова»).

Въ послѣднюю осеннюю сессію земскаго собранія Кологривскаго уѣзда, Костромской губерніи, произошло одно, — или, если хоти-

те, два, — столкновеніе между гласными крестьянскими и помѣщичьими, а также съ представителямъ духовенства. Эти столкновенія кажутся намъ очень поучительными во многихъ отношеніяхъ, — а потому мы и представимъ ихъ съ возможною обстоятельностью.

Почти на каждомъ земскомъ собраніи слышались сѣтованія гласныхъ землевладѣльцевъ на то, что ежегодно изъ всей суммы земскихъ доходовъ до 25% поглощается медицинскою частью и пародичнымъ образованіемъ, т. е. статьями расходовъ, касающихся почти исключительно сельскаго крестьянскаго населенія. Долго выносили крестьянскіе гласные всѣ эти попреки, но наконецъ и ихъ терпѣніе лопнуло. Гласные отъ крестьянъ заявили, что дѣйствительно всѣ эти расходы идутъ на ихъ избирателей, но что упреки раздаются съ той стороны, которая всю податную тяжесть взвалила на крестьянскую шею. 652.680 десятинъ владѣльческихъ земель, сказали они, платятъ налоговъ 24.560 р., тогда какъ 195.778 десятинъ крестьянскихъ вносятъ 23.670 рублей. Единственное богатство въ уѣздѣ — продолжали они — лѣса, которые почти всѣ въ рукахъ личныхъ владѣльцевъ, а цѣпность и доходность лѣсныхъ дачъ показаны ничтожными. Доходность выведена въ 18 коп. съ десятины, а между тѣмъ положительно извѣстно, что десятина, поросшая лѣсомъ дровянымъ, даетъ чистаго дохода по меньшей мѣрѣ 1 руб. 25 к. Такимъ образомъ оказывается, что бѣдныя угнетенныя землевладѣльцы оцѣнили свои земли въ 7 разъ менѣе самой дешевой оцѣнки. Въ заключеніе гласные крестьяне просили приступить къ болѣе правильной оцѣнкѣ земель. Ходатайство это не было удовлетворено — за недостаткомъ времени.

Въ этомъ же собраніи произошелъ слѣдующій эпизодъ. Одинъ изъ гласныхъ священниковъ поднялъ вопросъ объ упадкѣ въ народѣ нравственности, «значительно поколебавшейся въ самомъ основаніи, вслѣдствіе ложно понятой имъ высочайше дарованной свободы». — «По уничтоженіи крѣпостничества, крестьяне, прежніе рабы... очутились на своей волѣ безъ необходимой къ тому нравственной поддержки, безъ вліятельныхъ, разумныхъ руководителей, предоставленные самимъ себѣ, отчего воля обратилась въ своеволие, произволъ, нравственную распущенность» и прочіе пороки. Далѣе, гласный священникъ въ своей запискѣ перечислялъ всѣ эти пороки и въ заключеніе указывалъ на необходимость усилить «нравственное вліяніе духовенства», достигнуть же этого можно чрезъ пастырскія собесѣдованія, для чего и просилъ у земства назначить денежное вспомошествованіе въ поощреніе трудовъ лицамъ, имѣющимъ потрудиться въ столь святомъ и полезнѣйшемъ дѣлѣ. Батюшка доставилъ даже программу собесѣдованій, на которыхъ народъ долженъ былъ расшѣвлять молитвы и патріотическіе гимны. Заявленіе священника встрѣтило сочувствіе въ средѣ гласныхъ землевладѣльцевъ, не желавшихъ только расходовать деньги на это. Но и тутъ это согласіе было нарушено мужикомъ, но необразованности своей, принявшимся называть всякую вещь своимъ именемъ.

Гласные крестьяне подали записку, въ которой высказываютъ горячее желаніе улуч-

шить свою жизнь, нравственное развитіе и сожалѣніе, что достигнуть этого при помощи священниковъ они не имѣютъ никакой возможности. «Рѣдкій священникъ, посѣщая крестьянина, говоритъ записка, толкуетъ ему о добрыхъ дѣлахъ и христіанской вѣрѣ, а больше старается получить за свой трудъ и поскорѣе уйти изъ дому». Далѣе, въ запискѣ крестьяне заявили, что они также видятъ пользу отъ предложенныхъ собесѣдованій по, только тогда, когда священники перестанутъ «только стараться собирать сокровища для своей жизни». Если же священники, какъ теперь, «объ общей пользѣ народа не будутъ думать, то и толку изъ собесѣдованій не выйдетъ никакого».

Такъ предложеніе гласнаго священника, хотя и было одобрено собраніемъ, но совершенно платоническн, ибо денежнаго вспомошествованія для этой цѣли ассигновано не было.

ПИСЬМА ИЗЪ АВСТРІЙСКОЙ УКРАИНЫ.

II.

Приступая въ 52 №-рѣ къ передачѣ читателямъ нашимъ содержанія писемъ, полученныхъ нами изъ Австрійской Украины, мы замѣтили, что въ послѣднее время всѣ классы населенія этой страны заняты были вопросомъ о возможности войны съ Россіей, а также переменною львовскаго (уніатскаго) митрополита. Прежде чѣмъ приступить къ передачѣ писемъ специально объ этомъ послѣднемъ, надо сказать два слова о сущности этого дѣла.

Иосифъ Сембратовичъ, митрополитъ львовскій, — человекъ не умный, слабохарактерный, уступчивый официальнымъ вліяніямъ, усердный ультрамонтанъ и потому наклонный къ уступчивости и официозному полонизму, — въ послѣднее время, въ виду страховъ ирравославія, будто бы наступающаго на Галицію изъ Россіи, и въ виду сознанный въ Римѣ и въ Вѣнѣ необходимости усилить католическо-польское давленіе на уніатскую церковь, — все же былъ въ официальныхъ сферахъ признанъ неудобнымъ для своего мѣста и, по настоятельной просьбѣ императора, оставилъ его, выговоривъ себѣ однакожъ крупную пенсію. вмѣстѣ съ нимъ удалены были изъ консисторіи и два члена, пріобрѣтшіе у польскихъ официозовъ репутацію москвофиловъ, тогда какъ они были только сторонниками старо-уніатской обрядности съ ея языкомъ и политическими противниками полонизма, особенно въ то время, когда и центральное правительство относилось къ нему неблагоприятно. Должность митрополита еще не замѣщена окончательно, — а временно поручена выкарію, Сильв. Сембратовичу, — человеку, принадлежащему къ болѣе молодому поколѣнію галицкаго духовенства, а потому болѣе благосклонному къ новшествамъ, въ томъ числѣ и къ допущенію народнаго языка въ церковь (при его участіи издавъ, напр., переводъ молитвъ), вслѣдствіе чего онъ списалъ благосклонность галицкой партіи, называющей себя «народовцами» и называемой «украинцами» или «украинофилами».

Какія послѣдствія должна имѣть отставка Иосифа Сембратовича, еще нельзя сказать опредѣленно. По первымъ признакамъ казалось бы, что она должна была знаменовать

наміреніє римско-австро-польських офіційальних сфер пригнати рйшительно къ «реваншу» за обращеніє холмських уніатовъ въ православіє (на самомъ дѣлѣ они обращены глупыми дѣйствіями русскаго правительства въ чистый католицизмъ, пока полу-скрытый) и за попытки «обрусенія» ихъ и обратити галицкихъ уніатовъ въ примѣхъ католиковъ и поляковъ. Но такіе вещи нельзѣ уже въ Западной Европѣ дѣлать столь рѣшительно, какъ въ Россіи, а кромѣ того унія таки пужа Римъ, какъ приманка для другихъ восточныхъ церквей, — а потому, вѣроятно, дѣло въ сущности останется въ старомъ видѣ съ легкими поверхностными перемѣнами. Въ числѣ этихъ перемѣнъ одна изъ самыхъ вѣроятныхъ — это введеніе въ высшую церковную администрацію, на мѣсто лицъ старой партіи, личностей, прикосновенныхъ къ «народовской» партіи и признаніе со стороны этой администраціи украинофильскихъ, конечно, урѣзанныхъ австрійскою офіціальною и, конечно, только національно-литературныхъ стремленій. Это послѣдствіе будетъ вполнѣ сообразно общему ходу совершающагося въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ въ Галиціи вытѣсненія «украинофилами» представителей старого «рутенства» съ приспавшемся къ нему «москвофильствомъ», вытѣсненія, каковое сопровождается въ свою очередь сокращеніемъ народно-свободныхъ, такъ сказать, настояще-украинскихъ, Шевченковскихъ, стремленій у представителей галицкаго украинофильства. Сообразно послѣднему обстоятельству въ этой эволюціи происходитъ раздѣленіе и самаго украинофильскаго лагера на своего рода оппортунистовъ и непримиримыхъ, а равно и нѣкоторая, пока еще очень слабая, эволюція и въ лагерѣ рутено-москвофильскомъ, въ которомъ консервативный рутенскій элементъ примиряется съ офіціознымъ народовствомъ, а непримиримые или устремляются въ открытое руссійско-офіціальное москвофильство, доходящее до эмиграціи, или же, особенно въ болѣе молодыхъ своихъ побѣгахъ, начинаютъ склоняться къ социальнымъ, если еще не къ національнымъ, стремленіямъ молодыхъ, непримиримыхъ украинофиловъ, болѣе или менѣе придерживающихся социалистическаго направления.

Полученныя нами писма нашихъ галицкихъ корреспондентовъ даютъ свѣдѣнія о томъ, какъ относится масса народа къ оставленному митрополиту, и о томъ, какъ поставили себя представители старого народовства къ его намѣстнику. Изъ первыхъ свѣдѣній видно, какъ въ сущности мало народа, — а потому, если хотите, и мало оппортунистична, т. е. непрятна, политика вышесуказанныхъ народовцевъ, представляемыхъ въ печати газетой «Дѣло».

Когда польскія газеты возвестили о предстоящей отставкѣ Іосифа Сембратовича, и эта газета, наравнѣ съ органами старой партіи, сочла долгомъ поспѣловать объ этой отставкѣ будто бы дорогаго народу человека, защитника его правъ и т. п. — и потомъ провожала его въ Римъ (на покой съ 12.000 гульд. пенсіи) съ энтигономъ «отрезвителя Руси»^{*)}. Последднее

— по поводу нѣкотораго покровительства, которое оказывалъ митрополитъ агитаціи въ пользу общества трезвости. По этому поводу нашъ корреспондентъ г. М. — онъ *** пишетъ: «На сколько Іосифу Сембратовичу приличенъ такой титулъ, не берусь рѣшить, хотя мнѣ кажется, что потребленіе спиртовъ въ Галиціи вовсе не уменьшилось и число громадъ совсѣмъ или по большей части «отверженныхъ» очень не велико. При томъ же инициатива движенія вышла не отъ митрополита, а отъ гг. Наумовича и Моха, двухъ наиболѣе энергическихъ личностей изъ старшаго поколѣнія нашихъ священниковъ. Народъ самъ ничего не знаетъ объ отрезвительной дѣятельности Сембратовича, хотя во всей Станиславовщинѣ и Коломейщинѣ извѣстно имя Руд. Моха (автора «Сирава в селі Клекотині», замѣчательной для своего времени поэмы изъ народной жизни, изданной еще въ 40-хъ годахъ). Митрополитъ Сембратовичъ извѣстенъ въ краѣ совсѣмъ не съ симпатичной стороны: прежде всего своими частыми объѣздами своей епархіи съ многочисленною свитою, во время которыхъ онъ надоедалъ священникамъ своею канцелярскою мелочностью, обязанностью для священниковъ говорить передъ нимъ образцовыя проповѣди, а особенно угощать его и его свиту, слугъ и лошадей. Народъ же получалъ при семъ, кромѣ дароваго зрѣлища, длинныя рѣчи самого митрополита на догматическія, совсѣмъ непонятныя темы. Мнѣ самому разъ случилось быть свидѣтелемъ пріѣзда митрополита въ 1876 г. въ село Лопино, Стрийскаго уѣзда. И видѣлъ, какъ священники вертѣлись передъ нимъ и лестили ему въ глаза, а за глаза бранили его и говорили, что вѣрно онъ экономничаетъ на своемъ кормѣ и овцѣ для лошадей, если ѣздитъ чуть не все лѣто кормиться по краю. Крестьяне же относились къ митрополиту съ явнымъ недовѣріемъ: «смотри, какой сухой да свитой, говорили они, а на нашу громаду бѣду навелъ! Наши поляны (горныя пастбища) граничатъ съ перечинскими, — а Перечинское принадлежитъ митрополиту. Вотъ же ни съ того, ни съ сего сталъ митрополитъ. — Богъ бы его побилъ! — отнимать у насъ нашу неконную полонину, морговъ съ 500. Что мы напроцессовались по въ за нея; держали больше трехсотъ ренскихъ (гульденовъ) на процессъ, — да что мы бѣдняки могли противъ такого (вельможы)? проиграли мы. Теперь ни скота нать, ни овецъ столько держать не можемъ, какъ прежде, — такъ какъ отняли онъ у насъ наилучшую полонину!»

Это, конечно, было одно изъ тѣхъ «улучшеній въ митрополитскихъ нѣмѣностяхъ», за которыми, улучшенія, Сембратовичъ требовалъ себѣ при отставкѣ 80.000 гульденовъ!

Долго по проѣздѣ митрополита черезъ Лопино тамошніе крестьяне потѣшались его появленіемъ. Ни одинъ вечериницъ, ни свадьба не обходилась безъ «митрополита». Возьметъ, бывало, какой высочій и сухопарый паробокъ, одѣнется въ бѣлое рядно, надѣнетъ горшокъ на голову, возьметъ въ руки кочергу, да и идетъ такъ по улицѣ, потомъ въ хатѣ, гдѣ собралась люди, сидеть среди хаты и начнетъ народировать рѣчь митрополита, не-полита Іосифа Сембратовича въ «просвѣтителъ Руси».

редразнивалъ даже его лемковскій выговоръ (Лемки — горцы-русины на западномъ краю). Мѣстный священникъ долго старался остановить подобныя передразниванія, но ничего не успѣлъ.

При «визитаціяхъ» своихъ митрополитъ обращалъ между прочимъ особенное вниманіе на то, не разошелся ли какой крестьянинъ съ женою, или не «сидитъ ли на вѣру», т. е. не живетъ ли съ кѣмъ безъ вѣчаши. Такихъ у насъ на селахъ довольно много, и хотя громадскія власти иногда дѣлаютъ выговоры такимъ «сидящимъ на вѣру», но это не помогаетъ. Митрополитъ призывалъ такихъ крестьянъ къ себѣ и подолгу уговаривалъ ихъ къ согласію и любви къ законнымъ супругамъ, показывая тѣмъ рѣшительное незнакомство и непониманія жизни и характера нашихъ крестьянъ, которые никогда безъ важныхъ причинъ не разрываютъ браковъ, не «сидятъ на вѣру», — такъ что такіе причины поповскою фразеологіей не утѣшишь. Объ этой «проповѣди моральности» митрополита Сембратовича я записалъ въ Коломінъ въ 1880 г. вотъ какой разсказъ:

«Тутъ у насъ съ годъ тому назадъ былъ митрополитъ на визитаціи. Ну, сдѣлаи ему парадъ такую, что Господи! Хвалу божию отправили. Дальше послѣ полудня приказываетъ онъ созвать тѣхъ, кто въ селѣ сидитъ на вѣру. А у насъ была такой. Хорошій хозяинъ; жена его распилась и ушла куда то, дѣтей бросила; ну, хозяйину не можно одному сидѣть: принялъ онъ къ себѣ... знаете, вдову одну, бѣдную, и началъ съ нею сидѣть; уже у нихъ и дитя появилось^{*)}. — А — ну, зовутъ ихъ обоихъ! Началъ онъ имъ говорить, что то грѣхъ, — извѣстно, какъ его поповская обязанность, — и говорить: разоидитесь! — А человекъ и говоритъ: «Прощу, т. е. съ позволенія честной (Вашей) корони, а такъ не сдѣлаю; мнѣ безъ хозяйки нельзя быть»; — тотъ — свое, а этотъ — свое. Дальше митрополитъ и говоритъ: какъ не разоидитесь, то я тебя такъ заклинаю, что до году ты и умрешь. — «А хоть бы мнѣ и сейчасъ умереть, а я того не сдѣлаю!» говоритъ тотъ человекъ. — А вотъ же видите, такъ заклялъ его такъ, что тотъ бѣдняга до году и умеръ, еще и хата у него сгорѣла, а дѣтки его маленькія разошлись между людей».

А какъ возмущаются крестьяне вѣстью, что митрополиту за его отставку назначена пенсія въ 12.000 гульденовъ! — «Вотъ какъ! мало нажрался за свое господство, еще и теперь такую сумму будетъ получать!» А вѣ-которые грамотные крестьяне, которые читали газеты и замѣтили хорошо, что митрополитъ всегда прислуживался министерствамъ въ верхней палатѣ парламента, — отзываются: «А, конечно, было ему за что дать такую пенсію! Вѣдь онъ имъ служилъ, какъ собака пану служить. Вотъ какъ пришлось подати назначать (законъ о поземельной подати въ

^{*)} Подобныя отношенія чрезвычайно напояняютъ описанныя въ статьѣ г. Ор. Левинскаго въ Русской Старинѣ 1880 г. бытовыя брачныя формы въ Украинѣ XVI—XVII в., по которымъ церковный бракъ совершался только разъ, но въ случаѣ разожденія супруговъ, заключался новый бракъ, чисто свѣтскій, который однакожъ признавался законнымъ даже съ согласіемъ мѣстнаго духовенства. Примѣръ, подобнаго галицкому «сидѣнію на вѣру», указывался въ газетахъ (Порядокъ, 1891, № 6) и въ польскихъ писмахъ изъ руссійской Украины. (Ред.)

^{*)} Киевская «Заря», вообще благосклонная къ львовскимъ народовцамъ (по двойному недоразумѣнію, конечно), даже ухитрилась произвести митро-

палатъ проводить), то хоть и боленъ онъ, былъ и въ селѣ жить, а министръ ему когда зателеграфовалъ, такъ онъ сейчасъ поѣхалъ въ Вѣну, чтобъ голосъ подать за министра. А вотъ, что насъ теперь съ этою податью обдираютъ, такъ этому и онъ прислужился! А какой святой да набожный, — кто бы его не зналъ, такъ купилъ бы его за икону!»

Мы считаемъ эти рассказы въ высшей степени поучительными: они показываютъ, что украинскіе крестьяне въ Австріи уже выходятъ изъ христіанства, между тѣмъ какъ однимъ бокомъ (напр. вѣрою въ заклѣтье, которую, впрочемъ, съ ними разделяютъ и ихъ духовные просвѣтители) они находятся въ періодѣ «суетвѣрія» столько же христіанскаго, сколько и языческаго, — и что во всякомъ случаѣ съ официальною церковною связью ихъ вовсе не велика, а нравственная связь съ представителями этой церкви почти не существуетъ.

И ничего этого не хотятъ взять въ толкъ галицкіе народовцы, которые никакъ не умѣютъ опровергнуть свою дѣятельность ни на принципахъ новейшей научной культуры, ни на народныхъ стремленіяхъ.

Впрочемъ, на сколько политическое поведение львовскихъ народовцевъ-украинифиловъ лишено не только всякаго народничества, но малѣйшей дальновидности и послѣдовательности, это видно изъ письма другаго нашего корреспондента:

«Послѣ статей объ ультрамонтанскихъ замыслахъ на Галицію, о переселеніи сюда ордена Змариныхъстанцевъ, о представленіи іезуитамъ униатскихъ монастырей, послѣ статей, соблазновавшихъ объ оставкѣ митрополита Іосифа Сембратовича, о ея мотивахъ и значеніи, «народовская украинифильская» газета нѣсколько озадачила своихъ читателей полною похвалой и ожиданіемъ статьи о его намѣстникѣ — «новомъ сѣятелѣ, мужѣ въ полной силѣ, который принимаетъ корму нашего (?) духовнаго корабля, чтобъ вывести его изъ разбушевавшихся волнъ къ спокойной и вѣрной пристани». (Дѣло, 1882, № 88). Вслѣдъ за тѣмъ новый сѣятель издалъ свой манифестъ, который собственно долженъ бы былъ охладить и озадачить нашихъ народовцевъ и украинифиловъ, много полемизировавшихъ въ послѣднее время съ польскими патріотами на тему «самостоятельности Руси-Украины» и столько разъ провозглашавшихъ свою солидарность съ русинами-украинцами въ Россіи. Въ манифестѣ этомъ, напечатанномъ въ 91 №-рѣ «Дѣла», новый сѣятель съелъ долгомъ предлинно распространиться на необходимости для русиновъ не только любить свой народъ и обряды, но и почитать братскую народность польскую и обрядъ латинскій. Любовь къ братьямъ и сестрамъ, да и вообще къ людямъ, конечно, дѣло хорошее, но по чловѣчеству, и даже по христіанству, новому сѣятелю слѣдовало бы пригласить русиновъ почитать и другихъ сестей: словаковъ, румыновъ, а уже прежде всего, конечно, буковинскихъ и русскій русиновъ, — но онъ этого не сдѣлалъ; почему? Конечно потому, что они протестанты, или православные, а не латинскіе, какъ поляки. Затѣмъ не лишено значенія и то обстоятельство, что епископы латинскіе и польскіе не ишутъ при вступленіи своемъ въ должность приглашеній къ своимъ паствамъ почитать народность и обрядъ русиновъ. Отчего же епископу-русину понадобилось приглашать своихъ къ вышесказанному почитанію? Обнаружили ли русины, предпочтительно передъ поляками стремленія итеринности? Ни откуда этого не видно, — между тѣмъ, какъ колонны «Дѣла» недавно еще наполнились полемикою противъ «новинизма» и итеринности польской стороны. Какой же смыслъ послѣ этого имѣеть представленіе выше обращение «нового сѣателя»,

какъ не поддержку (конечно, очень дипломатично выраженную) тѣхъ именно стремленій въ польской официальной средѣ, противъ которыхъ возстава наша украинифильская газета?

Вмѣстѣ съ тѣмъ манифестъ новаго сѣателя напоминаетъ русинамъ слова папы Урбана VIII: *O mei Rutheni! per vos ego Orientem spero convertendum* (О мои русины! черезъ васъ, надѣюсь, обратится Востокъ!) и говоритъ: «этою мыслию мы должны проникнуться и прилагать всѣ усилія, дабы осуществить ее». Далѣе идетъ похвала Святѣйшему Отцу за его благосклонность къ восточному обряду и династии Габсбурговъ за ихъ благотворныя для русиновъ. «И дѣйствительно, — восклицаетъ манифестъ, только подѣ покровомъ святаго престола Римскаго и владѣющаго нами августѣйшаго Дома австрійскаго пришелъ на нѣтъ рускій народъ къ большому значенію въ исторіи и отсюда только можетъ надѣяться свѣтлаго будущаго».

Вспомнивъ, что это имѣеть униатскій архіерей и нѣкоторымъ образомъ австрійскій чиновникъ, мы найдемъ въ эти слова исполнѣ для него естественныи, за одною, впрочемъ, оговоркою: ни одинъ австрійскій нѣмецъ, ни полякъ, ни румынъ, при всѣхъ своихъ вѣроподданническихъ чувствахъ, не скажетъ, что вся жизнь и надежда его народа сосредоточивается въ государствѣ Габсбурговъ. Только вѣроному русину (или лучше рутенцу) вмѣняется въ обязанность ограничивать свою націю предѣлами этого государства и говорить такіе пошлости, какъ послѣднія изъ приведенныхъ выше словъ С. Сембратовича. Видѣ даже для галицкаго священника, не такъ стараго, уже обязательно знать, что «русины-украинцы» имѣли «значеніе въ исторіи» и во времена процвѣтанія Кіева, и за время галицкаго волинскаго королевства, и наконецъ, въ эпоху казацкую, — а также и то, что современный культурный міръ вновь усилхалъ о русинахъ-украинцахъ, благодаря литературной работѣ такихъ людей, какъ Шевченко, который ничего общаго съ Габсбургами не имѣетъ. Конечно, на родинѣ этихъ людей, въ русскійской Украинѣ, дѣла не процвѣтають, — но ибѣтъ никакого основанія не ожидать никакого свѣтлаго будущаго и тамъ, гдѣ во всякомъ случаѣ не только родились и дѣйствовали такіе люди, но и гдѣ живетъ все такъ огромное большинство русиновъ-украинцевъ.

Все это еще болѣе обязательно знать сотрудникамъ народовскаго журнала, которые еще недавно (въ №№ 80 и 82-мъ 1882 г.) въ статьяхъ «Политика новинизма», писанныхъ по поводу польской брошюры г. А. З. «*Polityka Nowów*», напоминали польскимъ публицистамъ, что въ Россіи «въ пять разъ болѣе русиновъ», нежели въ Галиціи и что напрасно эти публицисты «требовали бы отъ галицкихъ русиновъ, чтобъ они отсеклись отъ православнаго большинства роднаго народа, а тѣмъ болѣе роевали съ ними». «Намъ народъ не дастъ раздѣлить себя религиозными спорамъ — восклицало «Дѣло» — и замѣчало, что вообще «напрасно и вредно примѣнять религію къ политикѣ», что это значитъ «сводить народную политику на безумицу». Основы для народной политики русиновъ «Дѣло» указывало въ «памяти народа про его борьбу за его волю и правду, которая (память) живетъ до сихъ поръ въ народѣ, въ его пѣсняхъ и устныхъ преданіяхъ». — А извѣстно, гдѣ украинскіе историческія іисны и преданія сохранились наиболѣе ярко и насколько они соотвѣтствуютъ идеямъ посланія епископа С. Сембратовича.

И что же? Публицисты «Дѣла» не отерли еще перьевъ, которыми писали свои статьи въ началѣ ноября, а уже забыли все написанное. 3-го декабря отправился представляться новому сѣятелю депутаты народовскихъ корпорацій: «Просвѣты», «Тов. Имени Шевченка» и «Руской Весида», — и отъ имени ихъ проф. универс. Эм. Огоновскій (священникъ) произнесъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, пригласилъ еп. С. Сембратовича: «будьте нашимъ просвѣтителемъ не только въ дѣлахъ церковныхъ, но также и въ дѣлахъ народныхъ, будьте нашимъ кормчимъ среди бурнаго моря жиз-

ни». Правда, пр. Огоновскій позволилъ себѣ нѣчто въ родѣ совѣта новому «отцу и предводителю въ жизни нашихъ», — говоря: «Всякіе труды Ваши на полѣ церковной и народной дѣятельности будутъ особенно тогда плодотворны, когда въ клирѣ и совѣтѣ Вашемъ засядутъ мужи боговѣщныи, умные и искренніе патріоты, мужи неколебимаго характера, истинные Катоны, которые вмѣстѣ съ свѣтскою интеллигенціей, будутъ смѣло собираться около знамени нашей народной самостоятельности», — но этихъ Катонъ еще дождайся, — а пока новый «отецъ» уже получилъ заранѣе *carte-blanc* отъ представителя родовскихъ ассоціацій, въ томъ числѣ и во имя Шевченка!!

9-го ноября представлялись редакціи народовскихъ газетъ: «Дѣло», «Зоря», «Батьковщина», «Зеркало», «Школьна Часопись», отъ имени конхъ говорилъ редакторъ первой, г. В. Барвинскій. Этотъ (свѣтскій, юристъ) ухитрился соединить преклоненіе передъ новымъ отцемъ и кормчимъ и совѣтъ ему въ слѣдующемъ утѣшеніи: «Идея самостоятельности рускаго народа, идея тѣсной связи и общаго труда рускаго духовенства съ русскимъ народомъ надѣ общимъ добромъ народнымъ, идея вѣрной службы своей народности, идея нескрешней любви и позитивной (курсе. под.) работы, — вотъ основныя точки Вашего архіерейскаго посланія (!!!), за осуществленіе которыхъ мы, помимо всѣхъ препонъ, неустрашимо (?) боролсь и боремся!» — «Общность идей, продолжайте ораторъ, — составляетъ несокрушиму основу искренности и искренняго сотрудничества.... Подѣ знаменемъ этихъ идей мы смѣло идемъ впередъ, одушевленные надеждой, что эти идеи преусибутъ и оживотворятся (!) при верховномъ покровительствѣ и помощи Вашего пресвященства». — Въ дальнѣйшемъ разговорѣ, сообщаетъ «Дѣло», Е. Пр — ство «позволило даже похвально высказаться о нашей часописи».

Незнаемому съ нашими нравами, быть можетъ, покажется удивительнымъ то, что и представители старой, враждебной «народовцамъ» партіи, оказались солидарными съ ними въ поклоненіи «новому сѣятелю». Говоря 10 дек. отъ имени ассоціацій старой партіи, «Народный Домъ», «Ставроп. Институтъ», «Руска Рада», «Матица Руска», «Тов. им. Качковскаго», «Рольничо-кредитове Заведеніе», «Руске Касно», редакторъ перваго, крылошанинъ М. Малиновскій, провозгласилъ Е. Пр — ву «глубокую покорность и сердечныя пожеланія, чтобъ Богъ помогъ трудамъ Е. Пр — ства, между прочимъ, и «для добра нашої рускои народности, а то мы мысли архіерейскаго посланія», — и прибавилъ: «Впрочемъ мы въсегда, такъ и на дальне хотимъ и будемъ проживати съ всѣми австрійско-угорскими народностями и съ тукрасвою народностею польскою въ любви и живности», — и въ концѣ возгласилъ новому сѣятелю: «многая и благая лѣта!» Это тотъ самый г. Малиновскій, членъ митрополитскаго совѣта, котораго желалъ удалить офиціозы за его будто бы московфильство и котораго за то восхваляли московскія газеты!

Онъ таки долженъ былъ оставить совѣтъ, — въ которомъ за то запаль уже мѣсто члена и референда одинъ изъ народовскихъ «Катонъ», свѣщ. В. Ильницькій, директоръ гимназіи, — которій недавно отправился на особенно пышно въ этомъ году отпразднованное іезуитское торжество (св. Станислава Костки, патрона польскихъ іезуитовъ), гдѣ при тостѣ въ честь «маршала краю» провозгласилъ «многая лѣта», на что г. маршалъ угостилъ этого украинифила, вмѣстѣ съ другими присутствующими, пожеланіемъ, чтобъ іезуиты «прищепляли свою дающую мудрость» нашему обществу.

Извѣстно ли это все «украинскимъ народо-цамъ» въ Россіи??»

Мы, съ своей стороны, присоединяясь къ этому вопросу нашего корреспондента, спросимъ: отчего же въ самой Галиціи не организуется хоть группа, если не партія, которая бы выступила съ программой дѣйствительно національной, т. е. всеукраинской, а

не австро-рутепскою, дѣйствительно народною и просвѣтительною, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ примирительною относительно польскаго народа, но только народа, а не чиповниковъ и іезуитовъ?!

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛѢТЪ ВОЙНЫ ЧИНОВНИЧЕСТВА СЪ ЗЕМСТВОМЪ.

III.

Мы уже упоминали о крайне эластичной редакціи статьи земскаго Положенія, опредѣляющей отношенія земскихъ учреждений къ представителямъ административныхъ властей. Не довольствуясь тѣмъ, что рѣшенія по всѣмъ существеннымъ дѣламъ круга вѣденія земскихъ собраний, начиная отъ смѣтъ и раскладокъ, поставлены въ необходимость получить утвержденіе губернатора и министра внутреннихъ дѣлъ, Положеніе 1864 г. предоставляетъ какъ этому министру, такъ и губернатору «право остановить исполненіе всякаго постановленія земскихъ учреждений противнаго законамъ или общимъ государственнымъ пользамъ». Положимъ, что такіа пріостановки не безапелляционны, — но кто знакомъ съ процедурой нашихъ бюрократическихъ учреждений, тотъ пойметъ, что, уже благодаря одной проволочкѣ времени, во всѣхъ столкновеніяхъ земства съ представителями бюрократіи побитымъ всегда остается земство, особенно въ дѣлахъ, требующихъ именно скорости, какъ дѣла санитарныя, продовольственныя и т. п., а часто и финансовыя. Безотвѣтственность губернаторовъ за послѣдствія ихъ протестовъ противъ земскихъ постановленій, вмѣстѣ съ неопредѣленностью словъ о «противныхъ общимъ государственнымъ пользамъ» постановленіяхъ, окрыляетъ фантазію губернаторовъ, желающихъ просто самодурствовать надъ земствомъ. Крушій примѣръ такого самодурства представилъ собою херсонскій губернаторъ Клушинъ, который съ самаго открытія «во вѣрениой ему губерніи» земства девять лѣтъ дѣлалъ послѣднему всяческія задержки и шikanы. Глядя на губернатора, и низшіе агенты власти, вмѣсто содѣйствія земствамъ, оказывали имъ, какъ жаловалась мѣстная управа въ 1866 г., всяческія противодѣйствія. Губернаторъ Клушинъ позволялъ себѣ отнять у земской управы предоставленное ей закономъ право выдачи бланковъ для разѣздовъ чиновъ полиціи на лошадахъ земской почты и даже, вмѣсто избраннаго управою члена для исполненія должности председателя, назначилъ отъ себя другое лицо, на что не имѣлъ никакого права по закону. Всѣ эти дѣйствія губернатора, обжалованныя земствомъ, сенатъ призналъ неправильными. Но это не помѣшало губернатору продолжать свои шikanы. Губернское земство наконецъ просило правительство разслѣдовать спеціально дѣла по отношенію къ нему губернатора, каковое разслѣдованіе самъ министръ внутреннихъ дѣлъ поручилъ начальнику края, — и послѣ девятилѣтней войны г. Клушинъ былъ взятъ изъ Херсона, но не удаленъ отъ службы, а сдѣланъ сенаторомъ, въ качествѣ какового получилъ высокія полномочія ревизующаго сенатора, при чемъ самъ позволялъ себѣ вопіющія насилія, напр., въ Воронежской губерніи.

До какой мелочности доходятъ протесты губернаторовъ противъ земскихъ постановленій, это показываетъ хоть бы примѣръ въ Симбирской губерніи. Тутъ собраніе, въ видахъ предупрежденія развитія начавшейся эпидеміи, постановило, чтобъ въ селахъ навозъ раскладывался на поляхъ не ближе 250 сажень отъ жилыхъ помѣщеній, наблюденіе за чѣмъ предоставило волостнымъ правленіямъ. Губернаторъ усмотрѣлъ въ этомъ постановленіи нѣчто «противное общимъ государственнымъ пользамъ»!

Дальше, рассматривая препятствія, какія встрѣчало земство со стороны бюрократіи по существеннымъ статьямъ своей дѣятельности, мы покажемъ примѣры того, какъ губернаторы служили орудіемъ такихъ препятствій, — а теперь удовольствуемся сказаннымъ для общей характеристики губернаторскаго самодурства, которому даетъ просторъ приведенная выше (9-я) статья Положенія. Но скоро и этой статьи оказалось мало для окрыленія губернаторскаго самодурства. Не довольствуясь правами губернаторовъ надъ постановленіями земскихъ учреждений, правительство пожелало отдать губернскимъ помладурамъ въ руки и личности служащихъ земству. Сначала была разъяснена сенатомъ 48-я статья Положенія, по которой «губернаторы утверждаютъ председателей земскихъ управъ, если только при выборахъ соблюдены условія, требуемыя закономъ», — разъяснена въ такомъ смыслѣ, что-де «законъ, сочтя необходимымъ подчинить избраніе председателя уѣздной управы утвержденію губернатора, безъ сомнѣнія не имѣлъ въ виду устанавливать одну лишь формальность утвержденія, помимо всякихъ соображеній о томъ, удовлетворяетъ ли избранное лицо существеннымъ для исполненія председательской обязанности условіямъ», — и далѣе, что «губернаторы обязаны собирать вѣрнѣйшія, по возможности, свѣдѣнія о способностяхъ, нравственныхъ качествахъ и образѣ жизни лицъ, поступающихъ въ общественныя должности». При этомъ разъясненіе смысляется на ст. 372 Свода Законовъ, т. II, ч. I, какъ на такую, которая должна служить основаніемъ статьи 48 земскаго Положенія, а эта 372 ст. гласитъ, что «губернаторы, отвѣтствуя предъ верховнымъ правительствомъ за состояніе управленія вѣрениой имъ губерніи, стараются, чтобъ всѣ по вѣдомству ихъ мѣста занимались лицами, достойными общаго уваженія и вполнѣ благонадежными чиновниками».

Сооставляя это разъясненіе съ распоряженіемъ, отнимавшимъ у земскихъ учреждений право бесплатной разсылки по почтамъ корреспонденціи, какъ у учреждений будто бы частныхъ, мы видимъ, что правительство признаетъ земскія учрежденія то официальными, то частными, смотря по тому, при какомъ толкованіи можно найти предлогъ урѣзать ихъ права. Нечего и говорить о странности возлагать на губернаторовъ заботу, чтобъ должности председателей земскихъ управъ замѣщались «лицами, достойными общаго уваженія», когда въ эти председатели попадаютъ люди только по выбору общества, между тѣмъ, какъ для назначенія въ губернаторы не требуется никакого общаго уваженія, а достаточно изволенія единоличнаго, которое очень часто, какъ извѣстно, приоб-

рѣтается способами, ничего общаго съ «пользами краевъ» не имѣющими.

Въ 1879 г. борьба съ «крамолой» послужила поводомъ для распространенія губернаторскаго произвола надъ всѣми лицами, которыя прикосновенны къ службѣ земству. Закономъ 19 августа этого года губернаторамъ предоставлено право не только утверждать служащихъ по земству лицъ, но и удалять ихъ, если губернаторъ найдетъ изъ нихъ кого неблагонадежнымъ. Если прибавить къ этому общему праву губернатора частныя подчиненія агентовъ земства спеціальнымъ бюрократическимъ учрежденіямъ, напр., то, что земскіе фармацевты и врачи уже ранѣе (Цирк. министра вн. д. 12 окт. 1866 г. и 28 авг. 1868 г.) подчинены были утвержденію врачебныхъ управъ и губернаторовъ, по печателю учлищъ — утвержденію учлищныхъ совѣтовъ, учителя — инспекторамъ и т. д. — то невольно приходитъ въ голову вопросъ: къ чему же существуетъ вся комедія выбора земскихъ представителей и ихъ призванія компетенціи? Въ довершеніе всего прибавьте общее право администраторовъ, усиленное въ послѣдніе годы борьбы съ «крамолой», — произвольныхъ расправъ надъ личностью всякаго обывателя, право высылки административнымъ порядкомъ, не разъ прихлѣвавшее къ земскимъ дѣятелямъ, — и вы получите полную мѣру лживости словъ закона о земскихъ учрежденіяхъ, — что «земскія учрежденія, въ кругу вѣрениыхъ имъ дѣлъ, дѣйствуютъ самостоятельно».

Да впрочемъ, присмотрѣвшись поближе къ общимъ условіямъ, въ какія ставятъ дѣйствія земскихъ учреждений отношеніе къ нимъ агенты правительства, спрашивается, — точно ли правительству нужно, чтобъ эти учрежденія дѣйствовали какъ нибудь для удовлетворенія пользы и пужды населенія даже въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, какія имъ оставлены за всѣми ограниченіями Положенія и его позднѣйшихъ урѣзковъ? Напр., таврическое земство въ 1874 г., озабоченное продовольственнымъ вопросомъ, постановило образовать комиссію для изслѣдованія экономическихъ условій нѣкоторыхъ мѣстностей, наименѣе обезпеченныхъ, и представило правительству свое заключеніе о томъ, что признать полезнымъ участіе въ этой комиссіи и представителей администраціи. На все это министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣтилъ тѣмъ, что остановить исполненіе постановленія земства и объявить, что уѣзднымъ земскимъ управамъ «предоставлено право производить ревизію (!) и удостовѣреніе на мѣстахъ, чрезъ своихъ членовъ, лишь для наблюденія за дѣятельностью сельскихъ сходоу по дѣламъ продовольствія, а никакихъ общихъ мѣстныхъ изслѣдованій объ экономическихъ нуждахъ населенія и о надѣлѣ онаго землею существующими узаконенными земскимъ учрежденіямъ не предоставлено». Такимъ образомъ у земскаго самоуправленія, призваннаго «заботиться о мѣстныхъ нуждахъ и пользахъ населенія», министромъ отнято право узнавать эти нужды черезъ изслѣдованіе его положенія. Впрочемъ, когда, спустя нѣсколько времени, а именно въ послѣднюю сессію, то же самое таврическое земство избрало нѣсколько гласныхъ и поручило имъ изслѣдованіе экономического состоянія, въ видахъ болѣе пра-

вильной разверстки понижения выкупных платежей, — то уже ни губернаторы, ни министры не опротестовали такого распоряжения, и какъ бы признали право земствъ производить изслѣдованія, которыя министръ въ 1874 г. приравнивалъ къ ревизіямъ и считалъ незаконными.

Фактъ этотъ, между прочимъ, показываетъ, на сколько отношеніе правительства къ жизненнымъ вопросамъ земской жизни зависитъ отъ личныхъ взглядовъ отдѣльныхъ бюрократовъ. И этимъ бюрократамъ отданы на произволъ связанные по рукамъ и ногамъ выборные представители населенія! Эти бюрократы становятся на каждомъ шагу даже между самимъ населеніемъ и выборными его!

Всякое избирательство имѣетъ смыслъ только при постоянномъ общеніи между выборными и избирателями, при отчетности первыхъ передъ вторыми. Для того-то въ цивилизованныхъ странахъ существуетъ свободная печать и митинги. Въ Россіи нѣтъ ни того, ни другого, — и при этомъ даже обязательная отчетность земскихъ учреждений обставлена такъ, чтобъ она являлась почти невозможною. Количество печатныхъ отчетовъ земскихъ управъ и всякихъ актовъ земской дѣятельности напередъ ограничено числомъ гласныхъ и официальныхъ лицъ, каковыми эти акты должны быть обязательно доставлены. Кроме того, въ своихъ публикаціяхъ земскія учреждения подчинены губернаторской цензурѣ. Эта же цензура, помимо того, что имѣетъ право урѣзывать по своему усмотрѣнію земскую печать, она замедляетъ своевременное представленіе даже земскимъ собраніямъ отчетовъ и предложеній ихъ делегатовъ и рѣшительно тормозитъ земское дѣло.

Не только здравый смыслъ, но и законъ 13 іюня 1867 г. обязываетъ управы печатать отчеты и смѣты передъ земскими собраніями. Но, благодаря губернаторской цензурѣ, эта обязанность оказывается неисполнимою. Различныя земскія учреждения оканчиваютъ свою отчетность къ іюню, а нѣкоторые свѣдѣнія по земскому хозяйству могутъ быть собраны только въ августѣ, слѣдовательно, управы, и при ускоренной работѣ, могутъ окончить свои отчеты и смѣты только въ началѣ сентября, — а между тѣмъ въ сентябрѣ уже или въ первыхъ числахъ октябрю начинаются сессіи земскихъ собраній. Тутъ едва бы успѣть напечатать, что нужно, къ собраніямъ, — а между тѣмъ еще необходимо земской литературѣ пройти черезъ губернаторскую цензуру. По этому если даже гласнымъ и успѣютъ роздать отчеты и доклады управъ, то первымъ совершенно нѣтъ времени основательно ознакомиться съ ними, — отчего собраніямъ и приходится рѣшать дѣла по докладамъ управъ и, что еще хуже, по мнѣніямъ и предложеніямъ председателей управъ, которые, благодаря отсутствію дѣятельнаго контроля собраній, мало по малу приобрѣтаютъ значеніе начальниковъ, указывающихъ собранію слѣдовать ихъ «мнѣніямъ» и «предположеніямъ».

Ограниченное количество экземпляровъ земской литературы стѣсняетъ и общеніе между земствами разныхъ губерній. Что это стѣсненіе умышленное — доказывается, если еще

нужно это доказывать, — и всяческими препятствіями, которыя полагаетъ правительство и другимъ способамъ сношеній между земствами. По буквальному смыслу ст. 16 правилъ о порядкѣ производства дѣлъ въ земскихъ собраніяхъ, сношенія эти, если и стѣснены, то все таки не запрещаются. Статья эта говоритъ: «Постановленія о сношеніи или соглашеніи съ другими собраніями по дѣламъ, относящимся къ общимъ правительственнымъ распоряженіямъ и къ вопросамъ объ установленныхъ закономъ предѣлахъ вѣдомства собраній, вступаютъ въ силу и подлежатъ исполненію не иначе, какъ съ согласія Начальника губерніи». Но правительству оказалось мало послѣдняго условія, которое было, кажется, достаточно сильною уздой для земскихъ собраній. По одному поводу, въ 1867 г., 4-го мая, сенатъ разъяснилъ, что «постановленіе о сообщеніи возбужденнаго предположенія всѣмъ губернскимъ управамъ другихъ губерній представляется несогласнымъ съ закономъ, ограничивающимъ кругъ дѣйствій земскихъ учреждений предѣлами губерній или уѣздовъ, каждому изъ учреждений ввѣренныхъ». Если такъ, то зачѣмъ же было предполагать возможность общенія и соглашенія между земствами разныхъ уѣздовъ и губерній, хотя бы при условіи согласія на то губернаторовъ?!

Собственно излишне и доказывать пользу и во многихъ случаяхъ рѣшительную необходимость названнаго общенія и соглашенія, равно какъ и полной гласности дѣятельности выборныхъ земскихъ учреждений. Но все ходатайства земскихъ собраній о расширеніи этой гласности и о регулированіи общенія между земствами отклонялись правительствомъ подъ самыми неосновательными резонами. Такъ, на ходатайства земскихъ собраній, напр., харьковскаго, о разрѣшеніи печатанія земскихъ отчетовъ и докладовъ въ неограниченномъ числѣ экземпляровъ — правительство отвѣчало, что земскія раскладки и смѣты печатаются въ губернскихъ вѣдомостяхъ и рассылаются гласнымъ и, слѣдовательно, земствамъ уже предоставлена достаточная гласность. Въ дѣлѣ изолированія земскихъ учреждений правительствомъ дошло до того, что отказало астраханскому земству даже въ его ходатайствѣ о дозволеніи войти въ соглашенія съ соседними земствами по принятію мѣръ противъ эпидеміи. Такую же участь имѣли ходатайства о земскихъ сѣздахъ. Такъ, владимірское земское собраніе еще въ 1872 г. заявляло, что «разъединенность дѣйствій земскихъ учреждений и невыгодныя послѣдствія отъ того для нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія страны — вызываютъ необходимость принятія мѣръ къ отклоненію подобнаго рода недостатковъ», — каковыя мѣры, по убѣжденію владимірскаго земства, могутъ быть единственно «учрежденіе сѣздовъ земскихъ дѣятелей, людей, заинтересованныхъ развитіемъ земскаго дѣла и посвятившихъ себя ему, — въ каждой губерніи и, кроме того, сѣздовъ общихъ, центральныхъ, въ столицахъ или другихъ губернскихъ городахъ по взаимному соглашенію земствъ». По мысли этого ходатайства сѣзды должны имѣть опредѣленные закономъ программы и обсуждать только тѣ предметы, которые входятъ въ кругъ земской дѣятель-

ности, опредѣленной Положеніемъ, — но, не смотря на эти ограниченія, владимірское ходатайство было отклонено правительствомъ. То же случилось съ подобными ходатайствами земствъ: новгородскаго, рязанскаго, воронежскаго, харьковскаго и др. Кроме того, рязанское и воронежское земства ходатайствовали о разрѣшеніи изданія общаго земскаго сборника и устройства, для выработки его программы, земскаго сѣзда. Харьковское же земство прямо просило объ установленіи опредѣленныхъ правилъ для сношеній между земствами. Все эти ходатайства были отклонены.

На этомъ мы оканчиваемъ очеркъ общихъ условій, или, лучше, стѣсненій для дѣятельности земства, придуманныхъ бюрократіей. Познакомившись съ ними, всякій долженъ согласиться съ тѣмъ, что нужно удивляться, какъ земство было еще въ силахъ сдѣлать и то, что оно успѣло выполнить для удовлетворенія нуждъ населенія, — а вмѣстѣ и тому, какъ у земскихъ людей хватаетъ терпѣнія выносить эту постоянную борьбу съ гнетущей его прямо и косвенно бюрократіей, — прихвостни которой, въ добавокъ, позволяютъ себѣ упрекать земство въ плохомъ веденіи дѣлъ и даже въ апатіи!!

Теперь приступимъ къ разсмотрѣнію важнѣйшихъ изъ тѣхъ частныхъ крючковъ, какіе придуманы были для стѣсненія работы земства бюрократіей и пушены были ею въ ходъ и въ самомъ Положеніи 1864 г., и въ его позднѣйшихъ дополненіяхъ, и въ основанной на томъ и другомъ, а также на личномъ вдохновеніи правительственныхъ дѣятелей практикѣ администраторовъ по отношенію къ земству.

З. С.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОСЛѢДНІЕ КРЕСТЬЯНСКІЕ МИТИНГИ ВЪ АВСТРІИ.

II.

Въ нѣсколько иномъ и лучшемъ свѣтѣ представлялся митингъ, созванный Крестьянскимъ Союзомъ (Bauern-Verein) Нижней Австріи 26 декабря 1882 г. въ мѣстечкѣ Potenstein an der Frierling. И на этомъ митингѣ крестьяне не высказали никакихъ новыхъ экономическихъ идей, не поставили никакой демократической программы, которая захватывала бы собой все село сельскаго рабочаго населенія. Какъ все теперешнее движеніе ремесленниковъ представляетъ собой только движеніе ремесленниковъ — мастеровъ, а не ремесленниковъ — рабочихъ и вообще подручныхъ, такъ же точно и все бывшее до сихъ поръ крестьянское движеніе оказывается движеніемъ только крестьянъ-собственниковъ, которые начали борьбу вовсе не въ союзѣ съ сельскимъ пролетаріатомъ и ведутъ ее противъ теперешней экономической и социальной системы, борясь вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ расширенія правъ пролетаріата и желая удержать за собою ту землю, которую имѣютъ до сихъ поръ, и тѣ экономическія права, которыя связаны съ этимъ обладаніемъ землей *).

Сельскій пролетаріатъ, — *) Не мѣшаетъ обратить вниманіе и на то, что на митингахъ до сихъ поръ говорятъ по большей части только буржуазы, т. е. люди болѣе зажиточные, имѣющіе наиболѣе отношеній съ вліятельными людьми правящихъ помѣщичьихъ партій и связанные съ ними всякими личными и коммерческими интересами, а потому и легко поддающіеся ихъ вліянію.

рабочие, мелкие фермеры и т. п., еще ни разу до сих пор не заявляли о себе публично.

Но, сравнительно с моравскими крестьянами, крестьяне Нижней Австрии показали себя на столько выше, что по крайней мере освободили себя от влияния либеральной партии и не позволяют пользоваться собой для достижения целей, посторонних крестьянским интересам. Ныть здѣсь фразы ни о шмеецкой культурѣ, ни об опасности, угрожающей шмеецкой национальности, ныть также и безусловной вѣры въ «шмеецкія идеи», какъ единственное спасеніе крестьянского населенія. А при теперешнемъ положеніи политическихъ отношеній въ Австріи и при слабости еще развитіи самостоятельнаго мышленія между крестьянами, — и это много уже значитъ. Вагнер-Вергел Нижней Австріи уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ созываетъ митинги, — каждый разъ въ другомъ мѣстѣ, — такъ что, благодаря этому, всѣ крестьяне Нижней Австріи болѣе или менѣе вовлекаются въ политическую жизнь. На этотъ разъ окрестные поселеніе сошлись въ такомъ большомъ количествѣ, что не могли помѣститься въ двухъ большихъ залахъ «Gasthaus zum Hirschen». Явился на митингъ и депутатъ Думба, одинъ изъ главныхъ предводителей либеральной партии и представитель того избирательнаго округа, въ которомъ происходилъ митингъ.

Бурмистръ Шенбихлеръ, изъ Поттенштейна, котораго выбрали председателемъ, приветствовалъ нѣсколькими сердечными словами собравшіяся народы, а депутатъ Думба поблагодарилъ за приглашеніе, которое ему даетъ возможность узнать нужды и желанія сельского населенія и защищать ихъ въ парламентѣ.

Бурмистръ Кернъ, изъ Гунтрамсдорфа, выступилъ послѣ этого въ качествѣ референта. Онъ говорилъ о постепенномъ увеличивающемся обидѣннѣ народа, которое ярко обнаруживается въ возрастаніи числа продажъ крестьянскихъ земель съ публичныхъ торговъ. По даннымъ центральной статистической комиссіи, подверглось такой продажѣ въ Австріи въ 1874 г. — 4413, въ 1875 г. — 4585, въ 1876 г. — 5777, въ 1877 г. — 6948, въ 1878 г. — 9123, а въ 1879 г. — 11238 крестьянскихъ надѣловъ, т. е. втрое больше, чѣмъ въ 1874 г. Если такъ пойдетъ далѣе, то черезъ 10 — 15 лѣтъ самостоятельнаго крестьянства не будетъ вовсе. (Голоса: «Правда, правда!»). Есть, правда, предположеніе о ликвидаціи всѣхъ гипотечныхъ долговъ, и это, дѣйствительно, очень много помогло бы крестьянамъ, но осуществленіе этого плана въ высшей степени трудно *).

*) Ораторъ говорить здѣсь о планѣ освобожденія крестьянскихъ земель отъ гипотечныхъ долговъ, предложенномъ клерикально-консервативной партией. Такъ, какъ произведено было въ 1848 г. освобожденіе земли и народа отъ крепостнаго права, такъ и теперь, говорятъ, государство можетъ взять на себя инициативу этого новаго освобожденія. Гипотечные долги могли бы быть заключены, крестьяне были бы лишены возможности дѣлать новые займы, за исключеніемъ развѣ займовъ съ цѣлью улучшенія хозяйства или возстановленія его въ случаѣ какихъ нибудь стихійныхъ бѣдствій — и то только подъ контролемъ сельского общества. Для выкупа тѣхъ — и только тѣхъ — крестьянскихъ хозяйствъ, которыя еще не на столько обременены долгами, чтобы для нихъ уже не было спасенія,

дѣйствительно обезпечить крестьянъ отъ раззоренія можно было бы только такимъ образомъ, чтобы законодательнымъ путемъ былъ опредѣленъ для крестьянъ minimum количества земли, ни въ какомъ случаѣ не могущій подвергаться продажѣ за долги. Такимъ образомъ ростовщики лишились бы почвы, на которой они совершаютъ свои вредныя махинаціи, уменьшилось бы или даже прекратилось возрастающее обидѣннѣ сельского населенія, а сельскія общества освободились бы отъ огромныхъ издержекъ, какія они должны нести для прокормленія и содержанія своихъ бѣдныхъ. Ораторъ надѣется, что каждый истинный доброжелатель народа въ парламентѣ будетъ подавать голосъ за этотъ законъ, но боится клики адвокатовъ, заседающихъ въ парламентѣ, которая измѣняетъ и переноситъ каждый законъ до тѣхъ поръ, пока онъ не превратится въ пустой фарсъ. Клика эта можетъ неказить и проектируемый ораторомъ законъ такимъ образомъ, что онъ сдѣлается для простаго народа всецѣмъ бесполезнымъ. Наконецъ, при громкихъ выраженіяхъ одобренія со стороны собравшихся крестьянъ, ораторъ предложилъ утвердить слѣдующую резолюцію: Собраніе австрійскихъ крестьянъ въ Поттенштейнѣ 26 декабря 1882 г. постановляетъ: Просить палату, чтобы она для защиты остатковъ крестьянскихъ хозяйствъ, которыя до сихъ поръ еще не подверглись продажѣ за долги, установила законъ, по которому бы извѣстная часть крестьянскаго хозяйства, — по крайней мѣрѣ fundus instructus, состоящій изъ движимаго и недвижимаго хозяйственнаго инвентаря и изъ жатвы текущаго года, а кроме того, изъ необходимой для жилья мебели и всякой домашней и кухонной утвари, — была совершенно свободна отъ всякой продажи за долги, такъ, чтобы эта часть хозяйства никогда и въ никакомъ случаѣ не могла подвергаться принудительному отчужденію. Кроме того, собравшіеся крестьяне просятъ, чтобы въ каждомъ судебномъ округѣ были учреждены выборные и безплатные мировые суды, съ тѣмъ, что если обѣ тяжущіяся стороны останутся рѣшеніемъ мирового судьи довольны, то, чтобы такіа рѣшенія мировыхъ

— могъ бы быть основанъ особый фондъ подъ вышнимъ контролемъ и гарантіей правительства, затѣмъ области, округа и, наконецъ, сельской общины. Сельская община (а въ дальнѣйшемъ будущемъ и высшія административныя и экономическія единицы) взяла бы на себя, съ одной стороны, долги крестьянскихъ хозяйствъ, а съ другой стороны — гипотечныя претензіи къ каждому хозяйству, и была бы посредникомъ между должникомъ-крестьяниномъ и вѣрителемъ-капиталистомъ или банкомъ, получая отъ должника ежегодный взносъ и гарантируя и выплачивая этотъ взносъ вѣрителю. Уплата долга, подобно выкупнымъ платежамъ, могла бы быть разсрочена на 50 лѣтъ. Тѣ же крестьянскія хозяйства, для которыхъ уже нѣтъ спасенія, пошли бы, вѣроятно, въ продажу, а ихъ собственники превратились бы въ пролетаріевъ.

При возможности, мы поговоримъ подробнѣе объ этой интересной и характерной попыткѣ консерваторовъ разрѣшить вновь возникшій крестьянскій вопросъ. Эта попытка представляетъ собою только часть общей социально-экономической программы консервативной партии. О другой части, касающейся ремесленнаго населенія, мы будемъ говорить въ слѣдующей корреспонденціи о реформахъ, касающихся ремесленнаго класса, и о дебатахъ Парламента по поводу этихъ реформъ.

судей имѣли такую же силу, какъ и рѣшенія обыкновенныхъ судовъ.

Депутатъ Думба заявляетъ, что онъ съ такой резолюціей совершенно согласенъ. Онъ не имѣетъ надобности въ популярности, такъ какъ его парламентская карьера уже близится къ концу, — поэтому онъ можетъ говорить вполнѣ откровенно. Пусть крестьяне не увлекаются широкими иллюзіями, такъ какъ однихъ законовъ для поправленія нынѣшняго положенія крестьянъ еще не достаточно. Тѣмъ изъ крестьянъ, которые уже обременены долгами, должны быть открыты источники дешеваго кредита, какъ это уже хотѣли сдѣлать сеймъ Нижней Австріи, имѣющій въ виду открытіе соответствующаго кредита для крестьянъ изъ особаго фонда. Не задолжавшаго же еще, трудолюбиваго гражданина нужно оберегать отъ того, чтобы онъ не былъ принужденъ входить въ долги. Ораторъ былъ бы очень радъ, если бы политическія и революціонныя распри, наконецъ, прекратились и чтобы можно было приступить къ объективному разрѣшенію экономическихъ вопросовъ. (Всесообщее одобреніе). Высокія пошлины, которыя должны уплачивать крестьяншны, вступая во владѣніе участками отъ отца хозяйствомъ, большіе налоги на наследство и, наконецъ, выплата части наследства братьямъ и сестрамъ, — все это можетъ принудить войти въ долги самаго прилежнаго и энергичнѣйшаго крестьянина. А затѣмъ, увеличеніе процентовъ и погашеніе долга также вещь очень трудная, такъ какъ капиталъ не можетъ быть дешевъ въ странѣ, гдѣ государственный долгъ оплачивается такимъ высокимъ процентомъ, какъ въ Австріи. Крестьянина раззоряетъ не раздробленіе поземельной собственности, а раззоряютъ его большіе налоги, особенно же увеличеніе поземельныхъ платежей и налога на дома, пошлины на сахаръ и кофе. Нужно реформировать очень многое для того, чтобы крестьянамъ стало легче, но главное основаніе ихъ благосостоянія заключается и заключается всегда въ трудѣ, прилежаніи и бережливости (Одобреніе). Какъ честный австрійскій патриотъ, ораторъ всегда будетъ защищать интересы крестьянъ.

Крестьянинъ Ведель, изъ Сооса, въ короткихъ словахъ говоритъ о тяжести налоговъ для содержанія школы и желаетъ сокращенія времени обязательнаго обученія и уменьшенія срока пребыванія въ школѣ.

Кернъ, изъ Гунтрамсдорфа, совершенно согласенъ съ этимъ предложеніемъ и въ концѣ своей рѣчи энергически выражается противъ существующей избирательной системы. Онъ желаетъ введенія прямого и всеобщаго голосованія или, по крайней мѣрѣ, признанія избирательныхъ правъ за людьми, которые платятъ не менѣе 5 гульденовъ годовыхъ налоговъ (Fünfguldenmänner). Затѣмъ онъ дѣлаетъ запросъ депутатѣ Думбѣ, вызывая его развить свое мнѣніе по этому вопросу.

Захваченный въ располхъ, либеральный депутатъ, думавшій, что онъ окончилъ уже со всѣмъ, заявивши объ обязанности важнаго австрійскаго патриота защищать интересы крестьянъ, оказался въ большомъ смущеніи и рѣшительно не зная, что ему отвѣтить на этотъ запросъ любознательнаго крестьянина. Наконецъ онъ заявилъ, что такое

мѣщеніе избирательной системы— вещь очень хорошая и полезная, но пока еще не современная и что въ настоящее время крестьянамъ выгодно вътирывать черезъ выборныхъ избирателей *), такъ какъ это даетъ кандидату возможность болѣе познакомиться и лучше объясниться съ избирателями.

Такой отвѣтъ «честнаго австрійскаго патриота» не особенно понравился крестьянамъ, такъ какъ вслѣдъ за этимъ сейчасъ же двое крестьянъ попросили слова, очевидно желая сдѣлать возраженіе. По правительственный коммисаръ успѣлъ во время вынести депутата изъ затрудненія, объявивши, что онъ не можетъ допустить дебатовъ по этому вопросу, такъ какъ онъ не входитъ въ программу нынѣшняго собранія.

Предложенныя резолюціи были приняты единогласно.

Затѣмъ рѣчь шла по вопросу о бродягахъ. Кернъ предлагаетъ, чтобы бродяги были употреблены для работъ по регулированію рѣкъ и вообще на разныя другія публичныя работы. Такимъ образомъ, они оказались бы не только не отягощающими для общины, но даже полезными въ качествѣ рабочей силы. Гуманное обращеніе съ этими подонками чело-вѣческаго общества не поведетъ равно ни къ чему. Шендлинхеръ жалуется особенно на бродягъ венгерскаго происхожденія и предлагаетъ основывать для нихъ рабочіе дома.

Кромѣ того, разсматривались еще различныя дѣла чисто мѣстнаго значенія, на которыхъ мы для краткости останавливаться не будемъ. Принятые резолюціи были подписаны крестьянами и отосланы, въ качествѣ петиціи, въ парламентъ.

III.

Отъ Нижней Австріи перейдемъ теперь къ Зальцбургу. Это одна изъ провинцій, въ которыхъ издавна идетъ борьба клерикаловъ съ либералами за господство надъ крестьянствомъ. Въ другихъ провинціяхъ, какъ, напр., въ Штиріи, Каринтіи, Верхней Австріи, — клерикалы на столько имѣютъ перевѣсъ, что крестьяне во время выборовъ всегда подаютъ свои голоса за кандидатовъ клерикальной партіи. Но во всѣхъ этихъ странахъ либеральная агитація успѣла все таки, особенно въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ, составить себѣ партію между крестьянами и основать либерально-политическій обществу, который, точно такъ же, какъ и клерикально-крестьянскія общества, созываютъ отъ времени до времени крестьянскіе митинги и издають, подобно клерикаламъ, газеты для крестьянъ. Между такими агитаторами занимаетъ выдающееся положеніе редакторъ журнала Кирхмейеръ, изъ Линца, и, благодаря именно его вліянію, либеральная партія успѣла пустить корни въ Зальцбургѣ. Первыми проявленіями этого факта было собраніе крестьянъ и мѣщанъ въ Лоферѣ 10 декабря и потомъ основаніе либеральнаго крестьянскаго союза въ Зальцбургѣ — 25 декабря. Либералы однако же чувствуютъ себя не вполне обезпеченными, такъ какъ въ Лоферѣ входъ обуславливался предъявленіемъ именныхъ билетовъ. Всѣхъ присутствовавшихъ было 350 человекъ. Приглашенія были разосланы отъ имени комит-

тета, состоявшаго изъ 5 крестьянъ. Предсѣдатель этого комитета, Файставеръ, открылъ засѣданіе, выражая надежду на то, что и зальцбургскіе крестьяне послѣдуютъ примѣру крестьянъ Верхней Австріи. Затѣмъ начались пренія по поводу политическаго и экономическаго положенія мѣщанскаго и крестьянскаго сословія. Членъ комитета Шиндльеръ обратился отъ имени комитета къ редактору Кирхмейеру съ просьбой говорить по этому вопросу. Кирхмейеръ выступилъ съ рѣчью, продолжавшеюся болѣе часу, въ которой онъ говорилъ о нынѣшнемъ положеніи мѣщанъ въ Австріи, о поведеніи бывшихъ до сихъ поръ клерикальных депутатовъ отъ нѣмецко-альпійскихъ округовъ въ вопросахъ, касающихся налоговъ и въ особенности въ парламентскихъ преніяхъ относительно новаго закона о военной повинности, когда эти депутаты вотировали противъ предложенія меньшинства. Крестьянинъ Майергшвендтнеръ, изъ Ункена, предложилъ послѣ рѣчи Кирхмейера резолюцію, которая была принята единогласно. Мы не станемъ приводить этой резолюціи, такъ какъ она вполне идентична съ программой либерально-крестьянскаго союза, принятой комитетомъ 25 декабря.

Программа эта, представляющая стремленія экономической крестьянской партіи, существующей независимо отъ всѣхъ нынѣшнихъ политическихъ партій, выражаетъ прежде всего преданность этой партіи «нѣмецкимъ принципамъ, на которыхъ стоитъ Австрія», и надежду, что зальцбургскіе крестьяне, подобно ей, «будутъ высоко держать знамя германизма и нѣмецкаго права». Затѣмъ идутъ требованія полной свободы религиозныхъ культовъ съ удержаніемъ, разумѣется, во всей силѣ «христіанскихъ основъ монархіи», выраженіи неудовольствія по поводу новаго закона о военной повинности, не достаточно сокращающаго срокъ обязательной службы, требованія относительно сокращенія нынѣшняго срока обязательнаго обученія на одинъ годъ и предоставленія мѣстнымъ училищнымъ совѣтамъ права увольнять дѣтей бѣдныхъ родителей отъ дальнѣйшаго посѣщенія школъ въ томъ случаѣ, если эти дѣти пробыли въ школѣ уже 6½ лѣтъ и научились хорошо читать, писать и считать. Затѣмъ партія желаетъ учрежденія личнаго прогрессивно-подоходнаго налога, налога биржевого и на предметы роскоши (Luxussteuer) и обезпеченія крестьянъ отъ обезземеленія, посредствомъ превращенія нынѣшнихъ гипотечныхъ долговъ въ долги ренты (Rentenschulden), кромѣ того, замѣны нынѣшней судебной процедуры — болѣе скорою и дешевою, реформы итменельныхъ сборовъ и установленія тарифа адвокатскихъ гонораровъ. Далѣе союзъ желаетъ скорѣйшаго введенія устава о слугахъ, мѣръ противъ бродягъ и, между прочими, менѣе важными требованіями, — установленія минимума поземельной собственности — свободнаго отъ продажи за долги, съ сохраненіемъ при этомъ права раздѣленія участковъ крестьянской земли; желаетъ предоставленія сельскимъ обществамъ (громадамъ) права удерживать въ извѣстныхъ законныхъ предѣлахъ своихъ членовъ отъ вступленія въ бракъ. Наконецъ, программа требуетъ соединенія Австріи съ Германіей въ одинъ таможенный союзъ съ цѣлью, между прочимъ,

введенія запретительныхъ тарифовъ на ввозъ скота, хлѣба, муки, мяса и т. п. изъ Америки, Румыніи и Россіи; желаетъ дешевыхъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ для продуктовъ сельскаго хозяйства и т. д. Въ заключеніе выражается необходимость увеличенія числа депутатовъ отъ сельскихъ обществъ въ парламентъ и введенія всеобщаго и непосредственнаго избирательнаго права

Общее впечатлѣніе, произведенное всѣми этими митингами, по нашему мнѣнію, врядъ ли можно назвать благоприятнымъ... Случайно въ этой корреспонденціи намъ пришлось говорить только о либеральныхъ митингахъ, но и тамъ, гдѣ крестьяне собираются обсуждать свои интересы подъ знаменемъ консервативно-клерикальнымъ, — впечатлѣніе во всякомъ случаѣ не можетъ быть лучшимъ. Въ главныхъ чертахъ это всегда почти одно и то же: въ мелкихъ вопросахъ, какъ, напр., относительно военной повинности, организаціи судовъ, уменьшенія или измѣненія налоговъ, — и либеральные, и консервативные митинги принимаютъ почти всегда совершенно одинаковыя резолюціи..... И это вполне ясно: тяжести эти болѣе и непосредственно близки крестьянамъ и, протестуя противъ нихъ, ожидая ихъ устраненія крестьяне, надѣются хотя на временное облегченіе въ своемъ, дѣйствительно такъ незавидномъ, положеніи. Въ отношеніи же пролетаріата крестьяне стоятъ вполне на точкѣ зрѣнія крутыхъ землевладѣльцевъ, которые и въ борьбѣ за свои интересы и противъ своего упадка не забываютъ никогда требовать отъ правительства, чтобы оно предоставило судьбу сельскаго пролетаріата въ ихъ распоряженіе. Но въ вопросахъ высшаго экономического значенія, нѣмецко-австрійскіе крестьяне далеко еще не доразвили до сколько нибудь самостоятельныхъ взглядовъ; причины нынѣшняго экономического раззоренія крестьянства для нихъ не ясны и еще менѣе ясны для нихъ способы выйти изъ этого бѣдственнаго положенія. Они видятъ, что какая то невидимая сила потихоньку, но постоянно вытягиваетъ почву изъ подъ ихъ ногъ, но все еще надѣются, что улучшеніе ихъ теперешняго экономического положенія все таки возможно и, не зная въ своей безпомощности, откуда можетъ прійти это улучшеніе, они ищутъ себѣ спасителей то въ одной политической партіи, то въ другой, — и все почти нынѣшнее крестьянское движеніе сводится къ тому, что крестьяне попадаютъ въ прихвостни то къ либераламъ, то къ консерваторамъ...

И лишь только небольшая горсть крестьянъ поднялась на столько выше, что заняла вполне самостоятельное положеніе и ищетъ для себя выхода только въ организаціи крестьянъ, въ крестьянской самопомощи. Но партія эта очень слаба и не имѣетъ большого вліянія — и органъ ея — газета «Der Bauernwille» — не очень веселыми глазами смотритъ на положеніе крестьянскаго дѣла. «Въ 1877 году, говоритъ въ декабрьскомъ №-рѣ этой газеты, одинъ крестьянинъ Нижней Австріи — Миттейнгеръ началъ издавать газету «Mittelstrasse», въ томъ же духѣ какъ «Bauernwille», но крайней мѣрѣ онъ говорилъ, что хочетъ работать въ союзѣ съ этой газетой.

*) Въ Австріи крестьяне выбираютъ въ каждомъ селѣ избирателя, а этотъ послѣдній подаетъ уже голосъ при выборѣ депутатовъ въ парламентъ.

Но Штейнпигер не удержался въ самостоятельномъ положеніи и допустилъ пользоваться своей газетой всякому, кто только этого хотѣлъ и кто, хоть для виду только, говорилъ, что защищаетъ интересы крестьянъ. По прошествіи нѣкотораго времени, Штейнпигеръ очутился на услугахъ у консерваторовъ противъ либераловъ, для того, чтобы побудить нѣмецкихъ крестьянъ Нижней Австріи, Богеміи, Моравіи и Силезіи, которые прежде вотивали въ пользу либераловъ — на сторону консерваторовъ. Въ слѣдующемъ 1880 году въ Верхней Австріи крестьянскій сынъ Кирхмейеръ началъ издавать газету Linzer Sonntagsblatt и въ ней говорилъ, что хочетъ бороться за самостоятельность крестьянъ. Но вмѣстѣ съ своей газетой и одновременно съ Пошемъ — первымъ нѣмецкимъ депутатомъ-крестьяниномъ въ австрійскомъ парламентѣ — допустилъ либераловъ пользоваться собою въ войнѣ противъ консерваторовъ. Онъ поступилъ совершенно обратно Штейнпигеру и поэтому они не перестаютъ ссориться между собою и по сей день...

...Крестьяне! прочитавъ исторію крестьянской войны за 300 лѣтъ до нашего времени: и тогда были между крестьянами такіе же люди, какъ эти двое, и это была одна изъ причинъ того, что тогда борьба эта имѣла такой печальный исходъ... и мы, внуки и правнуки нашихъ предковъ, со времени этой еще войны должны бы были остерегаться дружбы съ невѣрными союзниками... Оба они подняли крестьянское знамя только для глазъ людскихъ, оба они только для глазъ людскихъ говорятъ о защитѣ крестьянскихъ интересовъ, — но они должны это дѣлать, потому что иначе они не могли бы уловить крестьянъ, иначе крестьяне не стали бы читать ихъ газетъ. Но вѣдь въ дѣйствительности они служатъ совѣтъ другому. Консерваторы (помѣщики и духовенство) безъ крестьянъ представляютъ собою чистѣйшій пудъ, да и либералы (буржуазія) не большого стоятъ безъ тѣхъ же крестьянъ: крестьяне—это главная сила, а потому и консерваторы, и либералы — каждый старается склонить крестьянъ на свою сторону. Въ Нижней Австріи, въ нѣмецкой части Богеміи, Моравіи и Силезіи, т. е. во всей сѣверной половинѣ Австріи, крестьяне до настоящаго времени при каждахъ выборахъ избирали почти всегда либераловъ — тамъ Штейнпигеръ работаетъ теперь для консерваторовъ. Въ Верхней Австріи, въ Тиролѣ, Зальцбургѣ, Штирии и т. д., т. е. въ южной половинѣ Австріи, крестьяне выбирали до сихъ поръ консерваторовъ — тамъ Кирхмейеръ и Пошъ работаютъ въ руку либераламъ. Консерваторы и либералы стараются отбить другъ у друга крестьянъ, они охотятся за крестьянами по хорошо обдуманному плану и пользуются Штейнпигеромъ и Кирхмейеромъ, какъ своими гонимыми собаками... Что помѣщики, духовенство и буржуазія — противъ крестьянъ, оканчивавшая газета «Vaterwille», — въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Но что крестьяне и крестьянскія дѣти продаются имъ и измѣняютъ своему дѣлу — это ужъ вещь очень печальная».

В. Ман.

НОВѢЙШЕ ПОДХОДЫ КЪ СОЦІАЛЬНОМУ ВОПРОСУ.

II

Всякія политическія поползновенія или подходы сверху, вѣроятно, остались бы безъ послѣдствій или даже не появились бы вовсе, если бы не существовало глубокаго, могучаго движенія снизу, которое до послѣдняго времени и было единственнымъ послѣднимъ названіемъ социалистическаго. Объ этомъ движеніи меня избавляетъ отъ необходимости говорить, какъ обширная литература о немъ имѣющаяся вообще, такъ и статьи уже появившіяся въ «Вольномъ Словѣ»; оно къ тому же давняго происхожденія и не можетъ быть приписано къ «новѣйшимъ подходамъ». Къ таковымъ я скорѣе готовъ приписать то движеніе, которое я называю движеніемъ изъ середины.

Въ наше время общественная жизнь движется такъ быстро, что недавнія имена и клочки уже не соответствуютъ дѣйствительности, а новыхъ нѣтъ утвердившихся, приходится ихъ подбирать при данномъ случаѣ и объяснять почему. Такъ, буржуазію принято считать цѣльнымъ сословіемъ и именно среднимъ. Между тѣмъ верхній слой ея, крупнѣе капиталисты въ собственномъ смыслѣ, теперь настояще господа и владыки общества, замѣнившие собою феодальныхъ бароновъ, и потому, въ сущности, они и составляютъ высшій, правящій слой общества. На западѣ нашего континента, во Франціи, Италіи, Бельгіи и т. д., они сломали прежнюю аристократію и привели ее отъ себя въ зависимость; въ Англіи аристократія втягивается въ себя все значительнѣе и своеобразнѣе изъ высшей буржуазіи и въ свою очередь сама сходитъ въ буржуазію и разлагается въ ней въ лицѣ своихъ младшихъ членовъ; капиталисты и въ Англіи до такой степени господствуютъ, что они сохраняютъ перію и титулы, только какъ высшія отличія для себя и своихъ потомковъ. Въ Средней Европѣ, напротивъ, аристократія осталась родовой и до сихъ поръ еще не уступила виолетъ денежнымъ князьямъ и баронамъ; въ сущности, однако, и здѣсь старые роды побѣждены, имъ приходится или родниться съ капиталистами, или поступать къ нимъ на жалованіе, въ качествѣ директоровъ или членовъ банковъ, желѣзнодорожныхъ и другихъ компаний. Тѣ, которые желаютъ остаться независимыми во что бы то ни стало отъ денежной аристократіи, могутъ достигнуть этого только на государственной службѣ, но и отсюда шагъ за шагомъ ихъ вытѣсняютъ капиталисты. Австрія уже видѣла «Buergerministerium», члены котораго были почти все фабриканты и биржевики; въ Германіи же это непременно наступитъ со смертью Бисмарка. По всему этому я полагаю, что высшимъ слоемъ, настоящей аристократіей современнаго капиталистическаго общества слѣдуетъ признать крупныхъ капиталистовъ, людей ворочающихъ настоящими или мнимыми цѣностями; у нихъ на службѣ почти вся родовая аристократія и «аристократія умственная», интеллигенція въ собственномъ смыслѣ, адвокаты, профессора, публицисты, медики, инженеры, — все карьеры, которыя изъ либеральныхъ сдѣлались чисто промышленными. Только малая часть родовой аристократіи и еще мень-

шая «умственная» не мирится съ этой зависимостью или не удовлетворяется достигаемыми посредствомъ ея выгодами и ведетъ борьбу съ господствующимъ слоемъ. Отсюда и тѣ подходы, о которыхъ говорилось въ прошлой статьѣ.

Если вышнимъ классомъ въ теперешнемъ обществѣ естественно являются собственно капиталисты, живущіе или работающіе капиталомъ, а низшимъ — люди одного труда, то средній составятъ соединяющіе личный трудъ съ небольшимъ капиталомъ, — мелкіе промышленники и ремесленники, точно такъ же, какъ и земледѣльцы — собственники или арендаторы. Руководствуясь старою привычкою общественной классификаціи, мы до сихъ поръ ставили первый изъ этихъ классовъ вмѣстѣ съ капиталистами въ одно среднее сословіе, буржуазію, помѣщали же крестьянъ въ низшій классъ подлѣ фабричныхъ рабочихъ. Между тѣмъ нѣтъ большаго апатизма, какъ между капиталистами — крупными производителями и мелкими; онъ даже въ одномъ смыслѣ сильнѣе, нежели между фабрикантами и фабричными рабочими: рабочимъ капиталисты не даютъ выйти изъ ихъ положенія пролетаріевъ, тогда какъ ремесленниковъ, или даже крестьянъ, капиталисты обращаютъ изъ самостоятельныхъ хозяевъ въ пролетаріевъ.

Развитіе крупнаго или капиталистическаго производства въ городахъ и начинающееся примѣненіе его къ сельскому хозяйству, быстро возрастающія подлѣ вліяніемъ биржевой спекуляціи, — которая въ Средней Европѣ получила цѣльный и организованный характеръ вслѣдствіе ея сосредоточенія въ рукахъ евреевъ, — грозитъ почти неминуемою гибелью обоимъ среднимъ классамъ, городскому и сельскому, и соединяютъ ихъ между собою, какъ и съ другими врагами капитализма, въ одномъ общемъ движеніи. Мелкіе промышленники и ремесленники, съ одной стороны, и крестьяне, съ другой, представители прежняго докапиталистическаго строя, сами по себѣ приверженцы личной собственности и личнаго хозяйства и враги социалистическихъ теорій, до сихъ поръ они составляютъ главную матеріальную силу, о которую разбиваются попытки социалстовъ и которая обезпечиваетъ существованіе современнаго экономическаго строя. Явленіе величайшей важности, потому что этотъ средній классъ, въ общихъ его видахъ, начинаетъ сознавать теперь противоположность своихъ интересовъ съ интересами капитализма и вступаетъ съ нимъ въ борьбу за одно съ другими антикапиталистическими элементами.

Крестьяне и ремесленники въ большинствѣ ихъ несомнѣнные индивидуалисты: они бы желали лучше всего сохраненія настоящаго порядка, съ нѣкоторыми измѣненіями въ ихъ пользу. Но они уже понимаютъ, что не только не достигнутъ этого, но и не вѣбъгутъ участіи рабочихъ, если не организуются сами и не найдутъ себѣ союзниковъ. Союзники эти въ средней Европѣ представлялись прежде всего въ лицѣ феодальнаго дворянства и католическаго духовенства, уже находившихся въ борьбѣ противъ всемогущаго

щества либеральной капиталистической буржуазии. Так наз. консервативные органы стали охотно печатать заявления крестьян и ремесленников и свѣдѣнія о ихъ движеніи. Только въ 1879 г. въ Германіи уже возникаетъ самостоятельная партія, отличная отъ всѣхъ до тѣхъ поръ существовавшихъ и служащая истиннымъ выраженіемъ средняго класса городского и сельского. Партія эта — *die deutsche Reform-Partei* — растетъ чрезвычайно быстро и привлекаетъ къ себѣ приверженцевъ, какъ изъ среднихъ классовъ, шедшихъ до сихъ поръ за консерваторами, такъ и изъ фабричныхъ, недовольныхъ социаль-демократами, а даже и изъ ряда мелкихъ буржуа, слѣдовавшихъ прежде за либералами. Къ сожалѣнію, реформеры, сильно дѣйствующіе на массы среднихъ и соседнихъ съ ними классовъ, оказываютъ мало притяженія на интеллигенцію. У нихъ почти нѣтъ литературныхъ и публицистическихъ силъ и ихъ единственный органъ, дрезденская «*Deutsche Reform*», совершенно не удовлетворяетъ требованіямъ обыкновенной читающей публики.

Напротивъ, въ Австріи подобные элементы еще не организовались въ особую партію, но у нихъ есть уже органы, защищающіе ихъ интересы и добровольно имъ служащіе — вѣнская «*Morgen-Post*». Эта газета своими публицистическими силами, политическими талантами и связями, стоитъ на высотѣ самыхъ крупныхъ политическихъ органовъ, но систематически уклоняется отъ разработыванія поглощающихъ вниманіе остальной прессы въ Австріи политическихъ и національных вопросовъ и посвящаетъ себя исключительно вопросамъ социалистическимъ. По инициативѣ и подъ влияніемъ «*Morgen-Post*», прошлою осенью собрался въ Вѣнѣ первый конгрессъ австрійскихъ мелкихъ промышленниковъ и ремесленниковъ, резолюціи котораго послужили точкой отправленія для парламентской дѣятельности нынѣшней сессіи.

Оба класса, названные нами средними, борются не за принципы или теоріи, а за существованіе; они готовы идти одинаково охотно за консервативнымъ или либеральнымъ знаменемъ, а пошли бы и за радикальнымъ, если бы видѣли въ немъ спасеніе отъ пролетариата. Несмотря на индивидуализмъ, ихъ одумевляющій, къ нимъ проникаютъ уже и социалистическія идеи, но въ видѣ государственнаго социализма (*Staatssozialismus*); личные наблюденія убѣдили меня, что идея социальной монархіи чрезвычайно популярна между средними классами Германіи. Идея эта, правда, развивается весьма неопредѣленно и различно, но сущность ея: организациа производства и распредѣленія богатствъ — прямо противоположны партіи *laissez faire*, неизбежно ведущей къ капитализму, и обща имъ съ чистыми социалистами.

Ничего не было бы ошибочнѣе, какъ, слѣдуя намѣренному маневру буржуазныхъ органовъ, — считать социальное движеніе или подходы къ рѣшенію социального вопроса простымъ послѣдствіемъ и подкладкою для подходовъ сверху. Совершенно вѣрно, что «консерваторы» (онѣй ложное названіе: нынѣ эта партія стремится не сохранить, а разрушить современный капиталистическій строй) первые замѣтили возникающее движеніе и попытаны

ли подать ему руку, чтобы сдѣлать его орудіемъ своихъ цѣлей; но, принимая помощь консерваторовъ, средніе классы преслѣдуютъ свои собственныя цѣли и стараются организоваться особо и самостоятельно; такъ партія нѣмецкой реформы, которая уже имѣетъ представителей въ прусскомъ Ландтагѣ и германскомъ Рейхстагѣ, намѣрена на будущихъ парламентскихъ выборахъ — (это я сообщаю вамъ, какъ важную политическую новость) — выставить своихъ особыхъ кандидатовъ повсюду, гдѣ уже образовались реформерейны. Въ Австріи, гдѣ нѣтъ особой партіи, подобной реформерамъ, но гдѣ крестьяне, а еще болѣе ремесленники въ послѣднее время громко возвысили голосъ, обѣ партіи вѣнскаго Рейхсрата и само цислейтанское правительство ухватились за требованіе *Gewerbetag's* и стали, непрерывно одинъ передъ другимъ, вносить проекты въ пользу мелкой промышленности и ремесла.

Изученіе положительныхъ требованій среднихъ классовъ и мѣръ, предлагаемыхъ ихъ защитниками или поддерживаемыхъ ихъ союзниками (объ этихъ требованіяхъ и мѣрахъ я надѣюсь имѣть случай сдѣлать вамъ, на основаніи прямыхъ источниковъ, специальное сообщеніе), показываетъ, что осуществленіе тѣхъ и другихъ на дѣлѣ способно развѣ только задержать, но никакъ не остановить побѣду капитализма и исчезновеніе обоихъ среднихъ классовъ, — если не будутъ одновременно приняты болѣе радикальныя мѣры, которыми капитализмъ не будетъ подорванъ въ корнѣ. Очень вѣроятно, что опыты недостаточности и тщетности усилій достигнуть цѣли въ союзѣ съ консерваторами побудить средніе классы сблизиться съ радикалами; не большая, но вліятельная группа «*Staatssozialisten*», въ Берлинѣ, съ Генрици во главѣ, уже теперь стоитъ гораздо ближе къ социальдемократамъ, нежели къ консерваторамъ. Во всякомъ случаѣ, неизбежное разочарованіе въ теперешнихъ или будущихъ союзникахъ поведетъ средніе классы къ выставленію болѣе широкой собственной программы или къ новой группировкѣ партій и интересовъ.

Но уже и въ настоящее время вступленіе крестьянъ и ремесленниковъ на социальную-политическую арену въ Средней Европѣ даетъ себя чувствовать на всѣ стороны и вліяніе его можетъ только расти: движеніе изъ среднихъ составляетъ необходимое звено между движеніями сверху и снизу и всѣ три являются подходами къ рѣшенію социального вопроса. Фактически нынѣ уже существуетъ, хотя и безъ признанія или даже противъ воли участвующихъ, лига трехъ социальныхъ движеній противъ господствующаго капитализма и обусловливаемаго имъ современнаго общественнаго строя.

Конечно, шансы въ борьбѣ безъ сомнѣнія на сторонѣ соединенныхъ элементовъ; въ ихъ пользу говоритъ не только ихъ матеріальная сила, но и самое теченіе событій, болѣе же всего, внутреннее расположеніе капиталистическаго общества, взаимное самопожираніе *) его составныхъ частей. Со всѣхъ сторонъ разбиваемое и само разваливающееся

зданіе будетъ непременно разрушено и перестроено въ новомъ видѣ.

Перестройка современнаго европейскаго общества, какъ нѣкогда перестройка античнаго греко-римскаго, произойдетъ, однако, изъ тѣхъ же матеріаловъ, которые только примутъ другую форму; форма эта въ ближайшемъ будущемъ, конечно, не будетъ соответствовать желаніямъ ни одного изъ элементовъ, участвующихъ въ разрушеніи, а будетъ носить на себѣ слѣды мыслей и стремленій ихъ всѣхъ — такъ же, какъ и тѣхъ, которые желаютъ сохранить настоящій видъ зданія.

Этотъ, намъ кажущійся логичнымъ, выводъ встрѣтитъ всего менѣе одобренія со стороны присяжныхъ социалистовъ снизу, и особенно ихъ вожаковъ, привыкшихъ къ мысли, что торжество социализма будетъ именно ихъ торжествомъ; нынѣ, когда социальное движеніе идетъ и изъ другихъ сферъ, пролетаріи не могутъ болѣе претендовать на монополизированіе социального вопроса, — вопроса, касающагося не однихъ пролетаріевъ, а цѣлаго общества, и на участіе въ которомъ и непролетаріи имѣютъ такое же право. Социалистамъ собственно, т. е. тѣмъ, которымъ до самаго послѣдняго времени это имя придалось исключительно, останется навсегда честь постановки и разработки вопроса, становящагося теперь все болѣе и болѣе общимъ достояніемъ всѣхъ и каждого.

Черезъ вступленіе въ социальное движеніе новыхъ и разнообразныхъ элементовъ въ средѣ социализма должна произойти перемѣна, подобная той, которую въ средѣ первоначальнаго христіанства (тоже пролетаріевъ или рабовъ) произвело вступленіе лицъ другихъ общественныхъ слоевъ. Первоначальное христіанство было идеалистично до отрицанія природы, точно такъ же, какъ социализмъ до сихъ поръ былъ матеріалистиченъ до отрицанія духа, т. е. всѣхъ интересовъ, не непосредственно связанныхъ съ интересомъ питанія; но, какъ христіанство, для того чтобы побѣдить, должно было сдѣлаться болѣе примѣненнымъ къ пущамъ цѣлаго общества, такъ и социализму придется дать удовлетвореніе всестороннимъ человеческимъ потребностямъ, если (какъ это становится теперь все болѣе вѣроятнымъ) ему суждено наложить свою печать на ближайшую историческую эпоху развитія человечества *).

Argus.

РАБОЧИЙ ДЕНЬ И ФАБРИЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

Уже не разъ на страницахъ «Вольнаго Слова» намъ приходилось полемизировать противъ «революціоннаго доктринерства» парлетистовъ и анархистовъ правовѣрнаго толка (къ нимъ близко подходятъ социаль-революціонеры школы Моста и «радикалы» напращиванія вѣнской социалистической газеты *Zukunft*), которые выводятъ програм-

*) Давая мѣсто заключительнымъ мыслямъ почтеннаго корреспондента въ ихъ цѣлости, мы считаемъ нелишнимъ замѣтить, что онѣ затрагиваютъ крайне сложные вопросы прошедшаго и будущаго, о которыхъ могутъ быть весьма различныя мнѣнія, подробное развитіе которыхъ могло бы составить предметъ обширныхъ монографій. (Ред.)

*) См. подъ заглавіемъ: «Самопожираніе капитализма» статью въ 37 № «В. Сл.»

му своихъ практическихъ дѣйствій по абстрактной логикѣ изъ чистой теоріи, гнушаясь поученіями окружающей жизни:

Grau, theurer Freund, ist alle Theorie
Und grün des Lebens goldner Baum...

Революціонное доктринерство въ томъ или другомъ изъ разнообразныхъ своихъ проявленій до такой степени распространено и, можно сказать, всецѣло, что, за какой вопросъ ни возьмемся, непременно натолкнемся на него, заговоримъ о немъ и станемъ повторяться подлѣ страховъ надобѣть себя и читателя. Оно въ особенности рѣзко выступаетъ во всѣхъ случаяхъ, когда рѣчь заходитъ о возможности и необходимости для рабочаго, не дожидаясь пришествія Мессіи—«Соціальной Революціи», заняться улучшеніемъ своего положенія на почвѣ существующихъ экономическихъ и политическихъ отношеній.

Въ такихъ вопросахъ революціонеры-доктринеры всегда подаютъ руку доктринерамъ-реакціонерамъ и, вмѣстѣ съ ними, объявляютъ, ссылаясь на «железный законъ», управляющей заработной платой, что никакими экономическими улучшеніями рабочимъ не поможешь. Изъ этого реакціонеры заключаютъ о необходимости сохранить *statum quo*, а революціонеры требуютъ всеразрушенія съ послѣдующимъ пересозданіемъ общества заново, но сочиненію или рецепту.

Честь открытія знаменитаго желѣзнаго закона принадлежитъ всецѣло буржуазнымъ экономистамъ. Чѣмъ кто грѣшитъ, тотъ тѣмъ и наказуется: бѣдные экономисты собственными своими руками изготовили то оружіе, которымъ ихъ колотили и колотятъ социалисты. Новый Самсонъ, Лассаль, сдѣлалъ изъ желѣзнаго закона основу своей системы производительныхъ ассоціацій подлѣ покровительствомъ прусскаго государства и ослиную челясть, которой онъ нещадно избивалъ добродѣтельныхъ и скромныхъ филістеровъ-мѣщанъ, послѣдователей Бастиа и Шюльце-Делича, проповѣдовавшихъ смиреніе и уваженіе передъ капиталомъ, павно воображая себя рыцарями «самопомощи».

Послѣ бастианцевъ и шумной агитаціонной дѣятельности Лассалья, слава о которой облетѣла весь цивилизованный міръ, желѣзный экономическій законъ сталъ извѣстенъ чуть ли не каждому гимназисту. Заработная плата всегда стремится къ минимуму, едва достаточному для пропитанія. Ни стачки изъ за увеличенія заработка или сокращенія рабочаго дня, ни ассоціаціи, потребительныя, производительныя и инныя, не въ состояніи помочь горю. Едва рабочій успѣетъ добиться прибавки платы, какъ наступаетъ соответственное увеличеніе цѣны на продукты, необходимыя ему для жизни, и онъ опять оказывается въ прежнемъ положеніи. Сокращеніе рабочаго дня, уменьшая доходъ фабриканта, вредитъ производству, которымъ такъ или иначе кормится рабочій, доводитъ фабриканта до банкротства или заставляетъ его, для возобновленія прежней нормы, понизить заработную плату, при чемъ рабочій теряетъ съ одной стороны все то, что онъ выигралъ съ другой. Потребительныя ассоціаціи, удешевляя жизнь рабочаго, неизбежнымъ образомъ влекутъ за собой уменьшеніе заработной платы—все по тому же желѣзному зако-

ну минимума. Производительныя ассоціаціи большею частью погибаютъ за невозможностью выдержать конкуренцію съ капиталистическими предпріятіями, а тѣ немногія изъ нихъ, которымъ, по стеченію исключительныхъ и особенно счастливыхъ обстоятельствъ, улыбнется фортуна, превращаютъ своихъ членовъ въ капиталистовъ-буржуа и дѣлаютъ ихъ врагами вчерашнихъ товарищей своихъ, пролетаріевъ. Изъ такого положенія возможно только два выхода: социальная революція, т. е. уничтоженіе капиталистическаго строя, или энергическое вниманіе на пользу рабочихъ всемогущаго государства, напр., въ формѣ, предложенной Лассалемъ: открытіе государствомъ кредита на поддержку производительныхъ ассоціацій.

Въ то время какъ теоретики разсуждали, жизнь шла своимъ чередомъ, не обращая вниманія на ихъ измышленія. Рабочіе, всюду гдѣ могли, дѣлали стачки и, при ихъ помощи, достигали не только временнаго, но и прочнаго улучшенія своего матеріальнаго положенія—увеличенія заработной платы и сокращенія рабочаго времени,—причемъ, противъ всякаго ожиданія теоретиковъ, не происходило ни предсказаннаго увеличенія цѣны на продукты первой необходимости, ни раззоренія производства и фабрикантовъ. Германія покрылась сѣтью потребительныхъ ассоціацій и кассъ взаимнаго вспоможенія, за основаніе которыхъ ревностно принялись и противники Шюльце-Делича, нѣмецкіе социаль-демократы, убѣдившись, что подобныя учрежденія приносятъ несомнѣнную пользу хоть бы тѣмъ, что сплавиваютъ рабочихъ, развиваютъ въ нихъ дѣловитость и пониманіе интересовъ сословія. Движеніе въ пользу совершенно самостоятельной организаціи рабочихъ по ремесламъ, федерирующихся потомъ въ цѣлую рабочую партію, росло и усиливается съ каждымъ днемъ, и даже на столь ослѣпавшія производительныя ассоціаціи на началахъ самопомощи социалисты начинаютъ теперь взирать благосклоннѣе, думая, что, при соблюденіи извѣстныхъ условій, и онѣ могли бы послужить интересамъ рабочаго сословія *). Духъ времени, неодолимая логика фактовъ начинаютъ дѣйствовать и на анархистовъ, социаль-революціонеровъ и «радикаловъ». Хотя анархисты все еще стараются усовершенствовать при помощи динамита старую свою тактику, что, судя по недавнимъ ихъ дѣйствіямъ въ Монсо-ле-Минь, удается имъ такъ же плохо, какъ въ эпоху болонской и беневентской попытокъ, когда динамитъ еще не былъ въ употребленіи—но все же они не могутъ удержаться, чтобы не поблуждать мыслью около запретнаго для нихъ плода, около вопросовъ о корпоративной организаціи рабочаго сословія и внимательствіи въ политику, поставленныхъ ими же самими на послѣднемъ конгрессѣ ихъ въ Лозаннѣ (см. статью «Два конгресса социалистовъ» въ №№ 40, 41 и 42 «Вольнаго Слова»). «Социаль-революціонеры и «радикалы» — говоритъ авторъ статьи *Socialpolitische Rückschau auf das Jahr 1881—1882* въ *Arbeiter-Kalender 1883* (изданіе вѣнскихъ социаль-демократовъ, орга-

*) Въ одной изъ слѣдующихъ статей мы намѣрены рассмотреть этотъ новый взглядъ на производительныя ассоціаціи.

номъ которыхъ служить Wahrheit), признавая въ одномъ изъ своихъ недавнихъ рѣшеній, что всѣ реформы на почвѣ настоящаго общественнаго порядка только отдалаютъ день освобожденія рабочихъ отъ рабства. Сторонники этого направленія, если бы они были послѣдовательны, должны бы возставать противъ всякой попытки улучшить положеніе рабочихъ при господствующей системѣ сальріата (наемнаго труда)—противъ установленія нормальнаго рабочаго дня и стремленія добиться повышенія заработной платы и политической свободы. Но они инстинктивно чувствуютъ, что съ подобнаго рода тактикой ихъ ожидаетъ неизбежное фіаско, и вотъ они предпочитаютъ поступать непослѣдовательно и дѣлаютъ сами то, за что осуждаютъ другихъ: основываютъ рабочіе союзы (цѣль которыхъ, въ сущности, сводится къ улучшенію положенія рабочихъ при теперешнихъ условіяхъ жизни), протестуютъ противъ недостатка свободы печати и собраній и помогаютъ стачечникамъ—словами».

Революціонное доктринерство нашло себѣ весьма удобную почву во Франціи, гдѣ такъ живучи традиціи якобинства и гдѣ у рабочихъ уже сложились особый складъ ума или темпераментъ, характеризующійся отвращеніемъ отъ всякаго рода политической и экономической дѣятельности, лишенной сильныхъ ощущеній и драматическихъ эффектовъ баррикады, конспираціи и динамитныхъ взрывовъ—отъ дѣятельности въ родѣ терпѣливой, постепенной организаціи своего сословія и ежедневнаго отвоєванія у капитализма одной уступки за другой, которымъ съ такимъ усердіемъ занимаются рабочіе Англіи и Америки.

Въ статьѣ «Два конгресса социалистовъ» мы разсмотрѣли довольно подробно политическую и экономическую программу французской «рабочей партіи» — но сколько она вылилась на парижскомъ конгрессѣ этой партіи въ маѣ 1882 г.—и могли при этомъ убѣдиться, до какой степени нуты якобинства, доктрина революціи во чтобы то ни стало и рабское признаніе буквы «железнаго закона» парализовали дѣятельность и умелые люди названной партіи въ такихъ насущныхъ вопросахъ, какъ внимательство въ политику, организація рабочихъ по ремесламъ и стачки; какъ въ первомъ изъ этихъ вопросовъ партія не пошла дальше напарлетическаго и «завоеванія власти», т. е. диктатуры, во второмъ и третьемъ—дальше платоническаго одобренія, да и то съ разнаго рода оговорами.

«Обладая глубокимъ пониманіемъ закона управляющей заработной платой—такъ закончила коммиссія конгресса свой отчетъ по вопросу о стачкахъ—вы настаивали на томъ, чтобы непосредственной цѣлью стачекъ было скорѣе уменьшеніе часовъ работы, чѣмъ повышение заработной платы. Дѣйствительно, всякое повышеніе заработной платы, какъ извѣстно, скоро уравнивается соответственнымъ увеличеніемъ цѣны на продукты первой необходимости и лишеніемъ работы нѣкотораго числа рабочихъ. Наоборотъ, уменьшеніе часовъ работы, доставляя извѣстныя доеугъ, благоприятствуетъ умственному развитію рабочихъ и позволяетъ имъ приобрѣтать энергію и способность, столь необходимыя для нихъ въ борьбѣ за освобожденіе».

Разбирая это положение, мы старались показать, что, несмотря на железный закон, путем стачек возможно прочное повышение заработной платы без сопутствующего вздорожания предметов первой необходимости.

Теперь мы намерены поговорить о рабочем дне, затронувшем нами в статье «Два конгресса социаллистов» лишь мимоходом. В настоящее время этот вопрос, в связи с вопросом о фабричном законодательстве стоит на очереди во многих странах. В Швейцарии фабричный закон введен недавно, и только теперь начинают появляться первые отчеты фабричных инспекторов, позволяющие судить о его последствиях *). В Германии фабричное законодательство ограничивалось до сих пор запрещением работы малолетних и ночной работы женщин, но теперь там ведется деятельная агитация в пользу установления нормального рабочего дня для взрослых мужчин, которая, вероятно, принесет плоды и побудит правительство удовлетворить требованиям общества. Россия тоже делает первые шаги на пути фабричного законодательства и начинает с проекта ограждения детей от чрезмерной работы **), что со временем приведет и к необходимости определения максимума работы для взрослых.

Составители отчета на конгресс французской рабочей партии совершенно правы теоретически, рекомендуя рабочим делать стачки с целью сокращения часов дневного труда. В самом деле, рабочему, как борцу за свое политическое и экономическое освобождение, чрезвычайно важно возможно меньше утомляться и оглуляться подчас совершенно бессмысленным механическим трудом, напр., верчением какого нибудь колеса; ему необходим досуг, чтобы развиваться умственно, следить за политикой, посещать собрания, быть, словом, общественным деятелем. Но из этого еще нельзя вывести правила: делайте стачки не для повышения заработной платы, а для сокращения рабочего времени. Подобное правило часто разбивалось бы о требования действительности. Дело в том, что иногда рабочим несравненно выгоднее добиваться прибавки платы, чем сокращения рабочего дня. Опыт показывает, что когда заработная плата очень мала, то рабочие делают стачки только для увеличения ее и лишь при сравнительно высокой норме заработка они начинают возможным требовать сокращения рабочего дня. Sartorius von Waltershausen, обстоятельно изучивший рабочее движение в Соединенных Штатах Америки (см. его *Arbeitszeit und Normalarbeitstag in den Vereinigten Staaten von America* — в *Jahrb. f. Nationalökon.* 1882), убедился, что в так называемых «плохих временах» рабочие обыкновенно думают лишь об увеличении заработной платы. Первые рабочие, добившиеся десяти-часового рабочего дня в Америке, были в 1853 г. судостроители Массачусетса (штат этот может считаться колыбелью всего американского рабочего движения), получавшие тогда три доллара в день.

Кирпичники города Нью-Йорка, пока им платили всего два доллара в день, заботились лишь об увеличении заработка, но как только они стали получать по три доллара, так сейчас же начали требовать восьми-часового рабочего дня. Таким образом, и по вопросу о стачках, представители французской рабочей партии оказались доктринерами, установив правило, не применимое к практике. Мы видим, что оба вида стачки — с целью повышения платы и сокращения часов дневного труда — одинаково нужны рабочим и что только сами рабочие, сообразуясь со своими потребностями, могут решить, какую именно стачку им все же выгоднее сделать в данный момент.

Мастерской и необыкновенно глубокой анализ экономических явлений привел Карла Маркса к заключению, что известное число часов дневного труда идет у рабочего на производство его собственной заработной платы, а все остальное время уходит на создание прибавочной стоимости, образующей барыш капиталиста. По Марксу, фабрикант эксплуатирует рабочего не столько старанием понизить, по возможности, заработную плату, сколько тем, что заставляет его работать возможно большее число часов в день, чтобы, так сказать, выжать из него все соки, вместе с максимумом прибавочной стоимости, т. е. барыша. Жадность капиталистов по отношению к рабочему времени стала обнаруживаться уже с самого начала введения машинного производства. «Стоимость машин была велика, говорит Брентано, и фабриканты не хотели уступить ни одной минуты без пользования ею; они думали, что, благодаря машинам, труд стать делом совершенно механическим, почему и считали последнюю минуту рабочего дня столь же драгоценной и производительной, как и первую». История английского рабочего движения и фабричного законодательства представляет множество примеров изворотливости и мошенничества фабрикантов, которые ухитрились красть у рабочих по нескольку минут дневного труда, заставляя их прекращать работу чуть-чуть позже и начинать ее чуть-чуть раньше установленного законом часа. Из этих минут в продолжение года составлялись часы, дни и даже недели, что, на большое число рабочих, давало весьма изрядное количество украденной прибавочной стоимости. Мало того, принуждая рабочего к чрезмерному труду, фабриканты крадут у него также значительную часть его рабочей силы. Если, вычислять Маркс, средний рабочий может работать в продолжение тридцати лет, то стоимость его дневного труда будет $\frac{1}{365 \times 30} = \frac{1}{10950}$ стоимости всей его рабочей силы. Если же фабрикант безответным истощением рабочего потребит его силу в десятилетний срок, то он выплатит ему только одну треть стоимости его дневного труда.

Являясь горячим сторонником сокращения рабочего дня (до восьми часов), Карл Маркс предлагает, следовательно, мѣру, которая, судя по его теории и по отношению к этой мѣре капиталистов, должна быть

последних по самому чувствительному месту, по карману. Поэтому можно думать, что всякое сокращение рабочего дня — прямым ли воздействием стачившихся рабочих на фабрикантов, или путем законодательных мѣр — всегда вредит интересам предпринимателей, уменьшает их барыш и, при известных обстоятельствах, может повлечь за собой понижение заработной платы или промышленные кризисы.

Но стоит только внимательно оглядеться кругом, чтобы убедиться в ложности подобного рода опасений. Еще в шестидесятых годах фабричные рабочие работали в Соединенных Штатах Америки по 12, 13 и 16 часов в сутки; теперь же они работают только по 10, 9 и даже по 8 *), и производство процветает, а фабриканты благополучно получают огромные барыши. В силу фабричного закона, в Англии давно уже введен десятичасовой, а в Швейцарии недавно — одиннадцатичасовой рабочий день, и в обоих этих странах, так же как в Америке, производство не терпит ущерба и капиталисты благоденствуют. А рабочие? Да и им живется сравнительно хорошо. Они не только работают меньше, но, при меньшем труде, часто получают относительно большую заработную плату.

В интересной брошюре Fränkel'a, *Die tägliche Arbeitszeit in der Industrie und Landwirtschaft* (Leipzig 1882), приведено, между прочим, свидетельство известного Schaffle о том, что в Германии в начале пятидесятых годов, когда существовал усиленный спрос на рабочих, многие фабриканты убедились, что сокращение чрезмерного рабочего времени всегда идет рука об руку с усилением производительности труда и с повышением заработной платы. Тот же автор ссылается на Newmarch'a, сообщившего (в истории цитирует Тооке'a), что в Англии за период 1851—1857 г. заработная плата увеличилась средним числом на 15—20%, между тем как рабочее время уменьшилось в общем с 70 до 60 часов в неделю. Социалист-финансист Оуэн мог на своей собственной мануфактуре уменьшить рабочее время на 30% и одновременно с этим повысить заработную плату на 15% в день — без ущерба для своих интересов. В *Volksstaat* (1873 г., № 31) была приведена выдержка из одного официального отчета об австралийском рабочем движении, из которой видно, что в конце пятидесятых годов рабочим некоторых ремесел удалось добиться в Сидней восьми-часового дневного труда, при чем заработная плата их сначала пала, но потом быстро возвысилась до нормы, бывшей при прежнем, десятичасовом рабочем дне. Многие думали, замечает *Volksstaat*, что избыток досуга побудит рабочих к усиленному посещению питейных заведений Сиднея, но этого не случилось; за то местная художественная школа, в которой преподается рисование, черчение, моделировка и живопись, принуждена была удвоить число сво-

*) См. в № 45 «Вольного Слова» статью П. С. «Фабричные рабочие в Швейцарии».

**) См. в № 42 «Вольного Слова» статью П. С. «Фабричный закон в России».

*) По Sartorius'у, в западных штатах сапожники работают по 9 часов 25 минут, набойщики — по 8 ч. 20 м. и рудокопы — по 8 ч. в день.

ихъ учебныхъ помѣщеній, и работы съ этихъ поръ стали исполняться съ большимъ искусствомъ и пониманіемъ».

Въ 1881 г. ремесленные депутаты Берлина собрали свѣдѣнія о положеніи рабочихъ этого города и составили подробную таблицу, изъ которой мы здѣсь приведемъ лишь нѣсколько цифръ (заимствуемъ ихъ изъ брошюры Kleinwächter'a):

Продолжительность рабочаго дня.	Средній недѣль- ный заработокъ.
Сапожники . . 13—17 час.	12—15 марк.
Кожевники . . 12—13 »	—18 »
Каменьщики . 12—13 »	—19 ¹ / ₂ »
Кровельщики . —12 »	—22 »
Штукатуры . . 9—10 »	18—27 »

Цифры эти показываютъ, что отношеніе между размѣромъ заработной платы и продолжительностью рабочаго дня часто бываетъ обратное. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что тутъ говорится объ одномъ и томъ же городѣ, гдѣ цѣны продуктовъ первой необходимости одинаковы для всѣхъ рабочихъ.

Такимъ образомъ, оказывается, что сокращеніе рабочаго дня не уменьшаетъ, но скорѣе увеличиваетъ заработную плату; не вредитъ производству, но усиливаетъ его и можетъ быть даже выгоднымъ для предпринимателя.

Объясненіе этого, на первый взглядъ, невѣроятнаго факта приходится искать въ чемъ угодно, но только, конечно, не въ желѣзномъ экономическомъ законѣ, понимаемомъ въ абсолютномъ смыслѣ доктринеровъ. В. Г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ БУМАГЪ РЕДАКЦИИ „КОЛОКОЛА“.

Отъ редакціи „Вольнаго Слова“. Мы получили отъ семейства А. И. Герцена и г-на Тхоржевскаго большое количество бумагъ бывшей редакціи „Колокола“ (Герцена, Огарева и Бакунина), которыя составляютъ интересный матеріалъ для исторіи общественнаго движенія въ 60-хъ годахъ. Количество этихъ бумагъ слишкомъ велико, чтобъ быть помѣщено въ нашей газетѣ; по всей вѣроятности, онѣ составятъ особый томъ, который въ недалекомъ будущемъ выйдетъ въ Женеvѣ. Пока же, чтобъ познакомить публику съ этимъ матеріаломъ, мы напечатася нѣкоторыя выдержки изъ него въ „Вольномъ Словѣ“.

I.

Иркутское письмо М. А. Бакунина къ А. И. Герцену.

8 декабря 1860. Иркутскъ.

Другъ Герценъ — Записка твоя застала меня, когда я кончалъ прилагаемый отвѣтъ въ „Колоколъ“. Говорить о моей глубокой, тревожной радости при видѣ твоего драгоценнаго почерка было бы лишнимъ. Но она ободрила меня еще и въ другомъ отношеніи, возбудила во мнѣ надежду, что слова мои найдутъ въ тебѣ вѣру. Это мое третье письмо къ тебѣ; первое, по крайней мѣрѣ въ 20 листовъ, до тебя не дошло, второе листовъ въ 12 взялъ съ собой твоей знакомый ***** тому назадъ три недѣли *). Надѣюсь, что оно

*) Второе письмо, о которомъ говоритъ В.—изъ, находится въ нашей коллекціи, равно какъ и „Отвѣтъ „Колоколу“, — писанный по поводу замѣтокъ лондонской газеты о Муравьевѣ (15 апрѣля 1859 года, 1 апрѣля 1860; см. также „Подъ Судъ“, № 2), особенно второй: „Тираниство Сибирскаго Муравьева“ (дѣло идетъ о выслѣлкѣ Петрашевскаго

дойдетъ до тебя, если не прежде, то по крайней мѣрѣ вмѣстѣ съ этимъ; оно не конечно, но конецъ пришлю скоро, благо нашелъ дорогу къ тебѣ. Всѣ три письма имѣютъ главнымъ предметомъ Муравьева Амурскаго, па котораго ты съ нѣкотораго времени, по какому то странному ослѣпленію, сталъ нападать жестоко и несправедливо. А между тѣмъ, не говоря уже о томъ, что твои нападенія лишены всякаго основанія и совершенно противны истинѣ, — Муравьевъ, повторяю тебѣ въ третій разъ, единственный человѣкъ между всѣми пользующимися силою и властью въ Россіи, котораго безъ малѣйшей натяжки и въ полномъ смыслѣ этого слова, мы можемъ и должны назвать безусловно правымъ. Онъ знаетъ по чувствамъ, по мыслямъ, по всѣмъ прошедшимъ дѣламъ, по стремленіямъ, желаніямъ и твердымъ намѣреніямъ. Какимъ же образомъ ты не узналъ его, вѣдь право стыдно, Герценъ. — Еслибъ ты зналъ, какъ любитъ онъ „Колоколъ“ и какъ прискорбенъ ему всякій промахъ, компрометирующий его, какъ симпатично уважаетъ тебя, и какъ ему горько было услышать твои незаслуженныя обвиненія, клеветы, раздавшіяся именно въ то время, когда возсталъ противъ него со всѣхъ сторонъ зависть и подлая интрига подъ предводительствомъ нашего Philippe Egalité, самого Вел. Кн. Константина Николаевича. „Своя своихъ не познаша“ — вотъ его слова о тебѣ. — Теперь онъ оставляетъ Сибирь и службу, ѣдетъ за-границу и непременно хочетъ увидѣться съ тобою, ты познакомишься съ нимъ и скажешь, что это человѣкъ полный во всѣхъ отношеніяхъ — и сердцемъ и умомъ и характеромъ и энергіею. — Онъ крѣпко знаетъ и лучший и сильнѣйшій изъ насъ — въ немъ будущность Россіи. Онъ рѣшился оставить на время службу, не смотря на то, что ему хотятъ предложить Министертво Внутреннихъ дѣлъ. Онъ твердо рѣшился не принимать ничего, пока не измѣнится радикально правительственная система, пока не примется его программа. Программа же, въ немногихъ словахъ, слѣдующая: 1. Полное и безусловное освобожденіе крестьянъ съ землею. 2. Публичное судопроизводство съ судомъ присяжныхъ и подчиненіе послѣднему всѣхъ служебныхъ чиновъ по административнымъ грѣхамъ, отъ малаго до великаго. 3. Образованіе народа на самыхъ широкихъ основаніяхъ. 4. Народное самоуправленіе, съ уничтоженіемъ бюрократіи и съ возможною децентрализациею Россіи, а въ Петербургѣ не конституція и не парламентъ, а желѣзная диктатура, въ видахъ освобожденія Славянъ, начиная съ воссоединенной

за Красноярскъ). Обѣ рукописи Бакунина содержатъ подробное восхваленіе Муравьева и осужденіе его противниковъ, въ томъ числѣ полит. ссыльных: Дм. Ир. Завалишина и особенно Петрашевскаго. На „Отвѣтъ“ чьею то рукою написано: „Статья эта прислана мнѣ для передачи. Это и есть единственная причина, почему я ее посылаю. Въ цѣломъ и въ частяхъ это — компиляція близорука и пристрастна, которая никогда не должна увидѣть печатнаго станка“. — Въ „Колоколѣ“, впрочемъ, были помѣщены статьи въ защиту Муравьева: въ „Подъ Судъ“ № 6 — 7 п, наконецъ, большая статья съ документами „Императорскій Кабинетъ и гр. Муравьевъ Амурскій“, № 87—88, 15 дек. 1860, — съ примѣчаніемъ редакціи, обращавшимъ вниманіе государя на эту статью. (Ред.)

Польши, и борьбы на смерть съ Австріею и съ Турціею. — Вотъ вся программа серьезнаго государственнаго человѣка, доказавшаго, что онъ умѣетъ исполнять свои замыслы. *) — Я отвѣчаю Вамъ за искренность Муравьева, потому что знаю его какъ своего лучшаго друга. Каково же мнѣ, Вашему другу, другу Вашего „Колокола“, честь и вліяніе котораго въ Россіи, повѣрьте, мнѣ не меньше дороги, чѣмъ Вамъ самимъ, — видѣть, какъ обманутые, ослѣвленные, Вы проповѣдуете ложь и клевету, нападая на единственнаго человека между всѣми въ Россіи, стоящаго, чтобъ мы стояли за него горю! — Теперь поспѣшай, Герценъ, — если ты мнѣ повѣришь, въ такомъ случаѣ не печатай моего отвѣта въ „Колоколъ“; ты сумѣешь и безъ него дать Муравьеву полное удовлетвореніе, такъ какъ именно ты долженъ дать такому человѣку, какъ Муравьевъ, sans reticences et sans équivoques, соблюдая при томъ осторожность, чтобъ не слишкомъ компрометировать его передъ правительствомъ; — но если ты не повѣришь мнѣ или повѣришь только въ половину, такъ что въ душѣ твоей будутъ оставаться сомнѣнія, тогда, именемъ всего что насъ связывало и связываетъ, я требую отъ тебя, чтобъ ты напечаталъ безъ выписокъ въ весь мой отвѣтъ, и если это покажется необходимымъ, пожалуй, хоть и за мою подписью. Есть случаи, когда осторожность и всѣ другія соображенія должны идти въ чорту. Напечатаніе отвѣта моего будетъ со-

*) Въ упомянутомъ выше письмѣ, В.—изъ тоже излагаетъ „политическую программу“ М.—въ почти тѣмъ же словами и прибавляетъ: „Въ высшей административной сферѣ онъ желаетъ слѣдующихъ реформъ: во первыхъ, уничтоженія министерствъ (онъ отъявленный врагъ бюрократіи, другъ жизни и дѣла) и на первыхъ порахъ не конституціи и не болѣе дворянскаго парламента, а временной желѣзной диктатуры, подъ какимъ бы то ни было именемъ, а для достиженія этой цѣли, совершеннаго уничтоженія Николаевскаго, пожалуй, и Александровскаго вольноотпущеннаго Петербургскаго жандармеріи. Онъ не вѣритъ не только въ Московскихъ и Петербургскихъ бояръ, но и въ дворян вообще, какъ въ сословіе, и называетъ ихъ блудными сынами Россіи. Вообще онъ питаетъ одинаковое и вполне заслуженное презрѣніе ко всѣмъ приращиваемымъ сословіямъ, или какъ онъ ихъ называетъ, несѣкомымъ сословіямъ, и не вѣритъ въ публику и вѣритъ только въ сѣкомый народъ, въ любить, въ немъ единственно видитъ будущность Россіи. Онъ не жалеетъ добра отъ дворянскаго бюрократическаго рѣшенія крестьянскаго вопроса, но надѣется, что крестьянскій топоръ взрушитъ Петербургъ и слѣдуетъ въ немъ возможно ту разумную диктатуру, которая, по его убѣжденію, только можетъ спасти Россію, погибающую нынѣ въ грязи, въ воровствѣ, во взаимномъ притѣсненіи въ безплодной болтовнѣ и пошлости. Диктатура кажется ему необходимою и для того, чтобъ восстановить силу Россіи въ Европѣ, а силу эту хотѣлъ бы ему направить прежде всего противъ Австріи и Турціи, для освобожденія Славянъ и для установленія не единой Паназиатической Имперіи, но вольной, хотя и крѣпко соединенной Славянской Федерациі. Онъ другъ Венгерцевъ, другъ Польскихъ и убѣжденъ, что первымъ шагомъ русскаго вѣдѣнія разумной политикіи должно быть возстановленіе и освобожденіе Польши. — Нравится Вамъ эта программа? — И вспомните, что это программа не кабинетнаго идеалиста и фантазера, которому легко, все возможно, потому что онъ никогда ничего не сдѣлалъ; нѣтъ, это мысли, громко высказываемыя мыслями Генералъ-Губернатора, опытнаго, испытаннаго государственнаго человѣка, который болтовни не терпитъ, у котораго вся жизнь слово было дѣломъ, воля у котораго желѣзная, а умъ граничитъ почти съ гонимыми. (Ред.)

прижено, я знаю, съ большими неудобствами. Во первыхъ, оно можетъ еще на нѣсколько лѣтъ приковать меня къ Сибири; во вторыхъ преждевременно компрометируетъ Муравьева передъ правительствомъ, — и насъ всѣхъ въ лицѣ Петрашевскаго передъ русскою публикою; наконецъ, сильно компрометируетъ «Колоколъ», такъ грубо, такъ нестыдно, такъ самоубійственно ошибающійся. — А все таки я требую напечатанія, если въ своемъ сердцѣ и въ своемъ умѣ ты не найдешь другаго средства дать Муравьеву полное удовлетвореніе; во всякомъ дѣлѣ, какъ въ дѣлѣ чести, одинъ поступокъ той или другой стороны ведетъ за собою необходимо непріятный, часто тяжелый послѣдствіи для обѣихъ сторонъ, но отъ этихъ послѣдствій ни та, ни другая сторона не имѣетъ права отказаться. Ты напечаталъ нападеніе, печатай же и отвѣтъ, или сознайся громко, что ты былъ подло обманутъ и непростительнымъ образомъ ошибся. — Вотъ чего я жду отъ твоей справедливости, отъ твоего благородства, наконецъ, отъ твоей преданности общему дѣлу. Ты напишешь судья, Герценъ, это правда, но вмѣстѣ съ тѣмъ вспомни, что и мы твои судьи: между нами солидарность взаимной отвѣтственности, которой ни ты, ни мы разорвать не можемъ. — Но довольно объ этомъ частномъ случаѣ, поговоримъ вообще о положеніи «Колокола». Со всѣхъ сторонъ слышно, что въ послѣднее время «Колоколъ» много утратилъ вліянія. Одна изъ причинъ такого паденія заключается безъ сомнѣнія въ ложныхъ корреспондентяхъ; двухъ, трехъ такихъ промаховъ, какъ въ отношеніи Муравьева и Вост. Сибири, достаточно, чтобъ убить Ваше изданіе. — Вы должны соблюдать большую осторожность въ выборѣ Вашихъ корреспондентовъ. Говорить, что Россія оттаиваетъ, но подъ льдомъ всегда много навоза, а навозъ воняетъ. — Виолнѣ русская жизнь, виолнѣ русскія мелкія интриги и страсти, виолнѣ родная вонючая грязь, — отстой поддыхъ интересовъ и мелкаго, но неумолимаго тщеславія — пошлость, зависть, ненависть, пустота и сухость мертваго сердца и великодушныя фразы, — мелкія дѣла и громкія слова, — все это теперь просится наружу, и такъ какъ другаго свободнаго органа кромѣ вашего до сихъ поръ еще нѣтъ, все это стремится въ «Колоколъ», — а скрыться подъ маскою либерализма и демократизма нынѣ не мудро, — кто не знакомъ съ благородными словами и фразами! Они стали такъ дешевы, такъ безопасны и безвредны, такъ часто кстатн и некстатн слышатся во всѣхъ углахъ, даже въ Сибири, что право прозвонить ихъ самому какъ то становится стыдно. Казенный либерализмъ, казенный демократизмъ, все слова, слова, да слова, а за ними такая гнусная, мелочная дѣйствительность, что становится тошно: слова въ Россіи дѣйствуютъ на меня какъ рвотное, — тѣмъ эффектнѣе и сильнѣе, тѣмъ тошнѣе. — Вѣрить должно только тому, въ комъ есть залогъ, что слово у него перейдетъ въ дѣло; въ отношеніи же другихъ я поступилъ бы такъ: чѣмъ красивѣе кто сказалъ слово, тѣмъ выше постропилъ бы я для него висѣлицу. Многие ли изъ Вашихъ корреспондентовъ способны, готовы къ благородному дѣлу, къ

которому, кажется, обязываютъ ихъ великодушныя фразы, — а вы ихъ слушаете. — Вы взяли на себя трудную, почти неисполнимую обязанность: въ Лондонѣ судить лица дѣйствующія въ Россіи. Пока дѣйствовали все люди вамъ знакомые, временъ Николаевскихъ, Клейнмихель, Орловы, Закревскіе, Панины etc. etc. — Вамъ было легко, по теперь выступаютъ на арену люди Вамъ очень мало или совсемъ неизвѣстные. Вы должны ихъ судить по даннымъ, присланнымъ Вамъ изъ Россіи. Кто Вамъ поручится за вѣрность данныхъ? — Не должны ли же Вы имѣть нѣсколько единомыслящихъ людей въ Россіи, знающихъ край и одаренныхъ практическимъ талантомъ и смысломъ, въ добросовѣстности и въ справедливости которыхъ Вы были бы увѣрены, какъ въ своихъ собственныхъ и которые бы провѣрили и укрѣпили своимъ свѣдѣтельствомъ всѣ извѣстія Вамъ посылаемыя? Иначе вы будете всегда обмануты и потеряете всякую силу въ Россіи. — А такихъ людей вѣдь не легко найти между пишущей братіею, даже между остатками нашихъ бывшихъ кружковъ — большая часть изъ нихъ окоченѣла, помертвѣла и живутъ и дѣйствуютъ и болтаютъ, какъ мертвые между мертвыми.

Странное явленіе представляетъ нынѣ русская публичная жизнь, официальная и не официальная! Это царство тѣней, въ которомъ подосія живыхъ людей двигаются, говорятъ, кажется, мыслятъ и дѣйствуютъ, а между тѣмъ не живутъ; есть въ нихъ риторика всѣхъ страстей, нѣтъ страсти; нѣтъ дѣйствительности, ни общаго преобладающаго характера, ни характеровъ. Все литература, писаніе, да болтаніе, а ни капли жизни и дѣла — нѣтъ ни къ чему дѣйствительнаго интереса. — И говорить даже ни съ кѣмъ не хочется, потому что напередъ знаешь, что изъ словъ не выйдетъ дѣла. Литературѣ теперь лафа, это ея царство. Панаевы торжествуютъ и пишущая братія бьетъ себя страстно въ пустую грудь, а грудь издастъ громкій звонъ, потому что въ ней нѣтъ сердца; въ головахъ полированные засушники съ готовыми категоріями и словами, а не живой производительный мозгъ; въ мышцахъ нѣтъ силы, а въ жилахъ нѣтъ крови — все тѣни, краснорѣчивыя, пустозвонныя тѣни, и самъ между ними становившійся тѣнью. Они ведутъ теперь мелочную торговлю съ помощью небольшого капитала, собраннаго Стапкевичемъ, Вѣлнскимъ, тобою, Грановскимъ, они спятъ, бредятъ въ слухъ, размахивая руками, и только тогда пробуждаются къ чувству дѣйствительности, когда затронуто ихъ лицо, ихъ тщеславіе, единственная дѣйствительная страсть между такъ называемыми людьми порядочными; точно также какъ карманная страсть неслучайно преобладаетъ во всѣхъ прочихъ слояхъ русской публики. Отъ тѣней ли ждать чудесъ? А между тѣмъ Россія можетъ быть спасена только чудесами ума, страсти, да воли. — Я ничего не жду отъ извѣстныхъ въ литературѣ именъ, вѣрю же въ спящую силу народа, вѣрю въ среднее сословіе, — не въ купечество, оно гнилѣе даже дворянства, — но въ фактическое, официально не признанное среднее сословіе, образующееся постоянно изъ отпускныхъ людей, прикащиковъ, мѣщанъ, поповскихъ дѣтей —

въ нихъ сохранились еще и русскій смѣтливый умъ, и русская удалая предприимчивость; вѣрю также, что въ самомъ дворянскомъ словѣ кроется много *) наполненный тщеславнымъ самообольщеніемъ. Странное зрѣлище представляетъ нынѣ русская публичная жизнь, официальная и неофициальная! — При Николаѣ можно было предположить, что она заключаетъ въ себѣ много невыясненныхъ тайнъ, много сдержанныхъ, спертыхъ силъ. — Теперь она открыта, и чтожъ мы видимъ! Это царство тѣней, въ которомъ подобія живыхъ людей говорятъ, двигаются, кажется, мыслятъ и дѣйствуютъ, а между тѣмъ не живутъ. Есть въ нихъ риторика всѣхъ страстей, нѣтъ страсти — нѣтъ дѣйствительности, нѣтъ ни характера, ни характеровъ. Все литература, многописаніе, многоболтаніе, но ни капли жизни и дѣла. Нѣтъ ни къ чему дѣйствительнаго интереса, кромѣ къ себѣ, — такъ что и самъ между ними становившійся тѣнью, и даже говорить ни съ кѣмъ не хочется, потому что чувствуешь, что никому нѣтъ ни до чего дѣла, и знаешь напередъ, что изъ словъ никогда не выйдетъ дѣла. Литературѣ теперь лафа, это ея царство. Панаевы торжествуютъ и пишущая братія бьетъ себя страстно въ пустую грудь и грудь издастъ громкіе звуки, потому что въ пей нѣтъ сердца. Въ головахъ полированные засушники, съ готовыми категоріями и словами, а не живой производительный мозгъ; въ мышцахъ нѣтъ крови въ жилахъ — все тѣни, краснорѣчивыя, пустословныя тѣни. Теперь они ведутъ мелочную торговлю съ помощью небольшого капитала собраннаго Вѣлнскимъ, тобою, Грановскимъ, они спятъ, бредятъ въ слухъ, размахивая руками, и только тогда пробуждаются къ чувству дѣйствительности, когда затронуто ихъ лицо, ихъ тщеславіе, — единственная дѣйствительная страсть между людьми, называющимися порядочными, точно также какъ карманная страсть преобладаетъ во всѣхъ прочихъ слояхъ русской публики. — Отъ тѣней ли ждать чудесъ? — А между тѣмъ Россія можетъ быть спасена только чудесами ума, страсти, воли. — Страшна будетъ русская революція, а между тѣмъ по неволѣ ее призываетъ, ибо она одна въ состояніи будетъ пробудить насъ изъ этой гибельной летаргіи къ дѣйствительнымъ страстямъ и къ дѣйствительнымъ интересамъ. Она вызоветъ и создастъ, можетъ быть, живыхъ людей, большая же часть нынѣшнихъ извѣстныхъ людей годна только подъ топоръ. Таково мое убѣжденіе. Я спрашиваю, даже много ли уцѣлѣло изъ нашихъ? Дѣятельность утомляетъ, сжигаетъ людей, но русская обыкновенная пошлость ихъ стираетъ и сталтываетъ. — Тургеневъ, Кавелинъ, Коршъ живые ли люди? — Вашихъ прочихъ друзей и знакомыхъ я не знаю, жизни сохранилась ли въ нихъ? Мы обѣщаемъ, что въ пишущую весну я получу позволеніе ѣхать въ Россію, буду искать людей, для меня это интересъ первостепенный. — Здѣсь, кромѣ Муравьева, я узналъ еще одного человѣка, это молодого

*) На этихъ словахъ оканчивается первый листъ письма. Затѣмъ второй, другаго формата, но нумерованный — 2 начинается, какъ напечатано далѣе, — представляя въ началѣ варьянтъ окончанія перваго листа. (Ред.)

генерала Николая Павловича Игнатьева, сына Сапкты - Петербургскаго генерала - губерпатора, и если я не ошибаюсь, твоего знакомого, Герценя. Онъ возвращается теперь изъ Китая, гдѣ онъ надѣлалъ чудесъ. Съ 19 козаками, въ виду англійскаго и французскаго посланниковъ лорда Ельгина и барона Gros, съ ихъ арміями, онъ сумѣлъ сыграть самую блистательную, первую роль и извлечь для Россіи наибольшія выгоды, несравненно большія, чѣмъ сами французы и англичане. О трактатѣ имъ заключенномъ Вы узнаете изъ газетъ, но о чемъ не услышите—это о безпримѣрномъ варварствѣ англійскихъ, особливо же французскихъ войскъ въ Китаѣ. Первые довольствовались болѣею частію грабежомъ, и состоятъ при томъ по преимуществу изъ сипаевъ,—по вторые, чистые французы, по всей дорогѣ до Пекина насилывали женщинъ и потомъ топили, убивали ихъ, отрѣзвали у нихъ ноги.—Этимъ воспользовались русская смѣтливость и русская дисциплина; во главѣ 19 козаковъ, Игнатьевъ явился какъ спаситель Китая—и теперь мы стали ужъ совершенно крѣпкою ногою на Тихомъ океанѣ. — Но возвратимся къ Игнатьеву; это человекъ молодой, лѣтъ тридцати, вполне симпатичный и по высказываемымъ мыслямъ и чувствамъ, по всему существу своему, смѣлый, рѣшительный энергичный и въ высшей степени способный. — Онъ честенъ, по благородно-горячій патриотъ, требующій въ Россіи реформъ демократическихъ и со-вѣтъ политики славинской, однимъ словомъ—съ легкими различіями того же, чего требуетъ Муравьевъ. — Они сошлись и будутъ дѣйствовать за одно. — Вотъ съ такими то людьми не худо бы вамъ было войти въ постоянныя сношенія, — они не резонёрствуютъ, мало пишутъ, но за то много знаютъ и, рѣдкая вещь въ Россіи, много дѣлаютъ.*) — Теперь, что скажу Вамъ о себѣ, друзья? —

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Голодный протестъ въ Одесской тюрьмѣ. Одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ получилъ извѣстіе изъ Одессы о томъ, что политическіе арестанты въ тамошней тюрьмѣ, въ виду притѣсненій ихъ и жестокаго съ ними обращенія, рѣшили не принимать пищи. Разсказываютъ, будто ген. Гурко, получивъ о томъ докладъ, сначала замѣтилъ съ язвительною улыбкой, что «тѣмъ лучше, если они добровольно рѣшились умереть», но на четвертый день сдѣлалъ распоряженіе объ улучшеніи содержанія заключенныхъ и о какихъ то уступкахъ,

*) Считаемъ не лишнимъ напомнить читателямъ помѣщенный въ «Русской Старинѣ», 1882 г.—XII, 644—646, разсказъ А. Н. Муравьева (умершаго въ Кіевѣ извѣстнаго путешественника въ Иерусалимъ и Содоми и доносчика) о томъ, какое участіе принималъ ген. Н. И. Игнатьевъ, тогда директоръ азіатскаго департамента въ м. вл. д. въ подорожаніи Александру II мысли о назначеніи антипатичнаго ему М. Н. Муравьева на мѣсто диктатора въ Визьмѣ. Уже этимъ участіемъ Н. И. И. достаточно разорвалъ свою связь съ программой, которую выше изложилъ Б — нъ, и тѣмъ даетъ намъ полное право на печатаніе отпосланныхъ къ нему мѣста въ письмѣ Б — на. Оно, конечно, не повредитъ ему по службѣ, а скорѣе послужитъ въ пользу;—скажутъ: вотъ какъ увлекался человекъ въ 1861 г., и уже въ 1863 г. отрезвился вполне!

(Ред.)

размѣръ которыхъ намъ не извѣстенъ. Во всякомъ случаѣ на четвертый день «голодный протестъ» прекратился.

Прокламація въ Одессѣ. Въ цюрихскомъ «Der Sozialdemocrat», № 5, напечатаны подробности о прокламаціи, появившейся недавно въ Одессѣ. Прокламація эта, очевидно, относится къ упомянутому «голодному протесту» и изображаетъ ужасное положеніе пол. арестантовъ, по болѣе части тяжело больныхъ, въ холодныхъ камерахъ, безъ постелей, на отвратительной пищѣ, и безчеловѣчье чиновниковъ, особенно смотрителя Суботческаго и медика Розена. Последній доходитъ до такихъ издѣвательствъ надъ больными, что совѣтуетъ имъ высасывать свои пармы, а на заявленіе одного арестанта о желаніи имѣть другаго врача отвѣчалъ: «Вамъ надо не врача, а палача».

О студенческихъ волненіяхъ въ Казани мы получили обстоятельныя свѣдѣнія, по которымъ оказывается, что студентъ Воронцовъ лишентъ былъ земской стипендіи ректоромъ Опрсовымъ совершенно нерезонно. Правда, онъ остался на курей, но объяснился съ своимъ земствомъ, которое и прислало само ректору сумму стипендіи для г. Воронцова, но г. Опрсовъ ея не выдалъ, а отослалъ назадъ земству. По тѣмъ же свѣдѣніямъ, ни одинъ студентъ въ Казани не былъ ни убитъ, ни раненъ, — а слухи въ такомъ родѣ были пускаемы въ другихъ университетахъ «людьми, желавшими волненій». Прибавимъ, что мин. вн. дѣлъ запрещеніемъ газетамъ писать о студенческихъ волненіяхъ прямо помогало этимъ людямъ,—конечно, въ видахъ своего рода агитаціи противъ «университетской автономіи».

Русская полиція въ Румыніи. Намъ пишутъ изъ Румыніи, что тамошній русскій посланникъ кн. Урусовъ, послѣ совѣщаній съ прибывшими къ нему русскими конеулами въ Добруджѣ гг. Сорокинымъ и Шафировымъ, обратился къ румынскому правительству съ просьбой произвести, при участіи русскаго посольства, обыски у двухъ русскихъ эмигрантовъ, живущихъ въ Румыніи. Просьбу свою г. Урусовъ мотивировалъ тѣмъ, что день коронаціи царя уже назначенъ и потому онъ желаетъ узнать, не предпринимается ли чего нибудь по этому поводу со стороны р. эмигрантовъ, причемъ, хотя онъ и не предполагалъ какихъ нибудь прямыхъ дѣйствій со стороны двухъ вышеупомянутыхъ лицъ, но думаетъ, что, при связяхъ этихъ лицъ съ другими эмигрантами, — при обыскѣ у нихъ могутъ быть найдены письма, могущія указать на заговоры, еще не раскрытые. Отвѣтъ румынскаго правительства еще не извѣстенъ, но, по всей вѣроятности, ходатайство русскаго посольства будетъ отклонено, тѣмъ болѣе, что дѣло это уже затянулось, а кн. Урусовъ уѣхалъ въ Вѣну для свиданія съ г. Гирсомъ.

Толстой-Христосъ и Толстой-Каифа. Въ послѣднія дѣли и либеральныя и консервативныя русскія газеты съ умилениемъ и соболѣзнованіемъ упоминали о томъ, что извѣстный беллетристъ гр. Л. Толстой сочинилъ какое то новое христіанство, совѣмъ будто бы христіанское и даже православное, и въ то же

время оригинальное, но только на бѣду цензуры не пускаетъ его въ свѣтъ и даже намеки на него, помѣщенные въ исторіи его изобрѣтенія, написанной самимъ авторомъ для «Русской Мысли», были арестованы и сожжены по приказу цензуры, какъ нечестно, подпиченныхъ другому Толстому, — гр. Дм. А—чу. Во всей этой исторіи самымъ оригинальнымъ намъ кажется не то, что русскій современный беллетристъ новое, и при томъ столь удивительное евангеліе сочинилъ, ни даже то, что онъ совмѣстилъ въ себѣ Христа и евангелиста Луку, а то, что онъ никакъ не ухитрился повѣдать міру свое евангеліе безъ разрѣшенія своего Каифа! По истинѣ, — исходите мысленно весь свѣтъ, помните исторію всѣхъ пророковъ ученій и откровеній, — а такого примѣра нигдѣ не найдете! А вотъ же въ Россіи нашелся!

Судъ русскихъ газетъ о Гамбеттѣ. Пересматривая многочисленныя статьи русскихъ газетъ о Гамбеттѣ, поражаешься ихъ безусловно-панегрическимъ тономъ. Особенно поразителенъ этотъ тонъ въ газетахъ, причисляющихъ себя къ либеральному направлению: видно, что вся европейская разноосторонняя критика авторитаризма Гамбетты и его совершенно формальной, бюрократическо-централизованной республики — прошла по русскимъ публицистамъ какъ вода по губамъ. Вотъ почему какъ нельзя болѣе кстати появились въ № 1 «Руси» замѣтки о разговорѣ Гамбетты съ Скобелевымъ, въ которомъ «великій республиканецъ» сказалъ, между прочимъ, русскому генералу: «счастливы вы, что у васъ нѣтъ парламента». Какъ таки русскимъ либераламъ не понять того, что понималъ, напр., даже консервативный «Journal de Genève», — а именно, что централизованная республика Гамбетты, какъ и болѣе крайнихъ якобинцевъ, — ничѣмъ не отличается отъ имперіи, кромѣ имени. Видъ потому теперь во Франціи и поднялся такой сумбуръ, что эту вещь поняли и почувствовали всѣ партіи, — а въ то же время только немногіе пріеязнныя политики изъ республиканцевъ готовы рѣшиться на истинно республиканскую, т. е. либеральную и федеративную политику.

Лионскій процессъ т. наз. интернаціоналистовъ-анархистовъ окончился всеобщимъ неудовольствіемъ ожиданій консерваторовъ и радикаловъ, социальныхъ демократовъ и анархистовъ, эволюціонистовъ и революціонеровъ, пронагандистовъ и парлефетисговъ. На немъ не только не оказалось ни Интернаціонала, ни тѣмъ болѣе динамита, ни какого бы то ни было парлефетизма, но даже очень мало социализма, а только довольно абстрактная проповѣдь свободы и любви къ ближнему, чужъ не христіанской, при ожиданіи какой то социальной революціи въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Довольными этимъ процессомъ могли остаться только провокаторы, — малкіе, которые никакъ не смѣли писать угрожающія письма, и крупныя, которые, приговоривъ совѣтъ невинныхъ и въ большинствѣ случаевъ совершенно беззащитныхъ во всѣхъ отношеніяхъ людей къ тяжкимъ наказаніямъ, внесли раздраженіе въ рабочія массы, затронутыя социалистическою пропагандою. Во всякомъ случаѣ утѣшительнымъ результатомъ процесса можно бы было считать обнаруженіе, что и партіи и пронагандистовъ, и напомнимъ, во Франціи нѣтъ и собственно быть не можетъ, если бы не опасеніе, что такую партію усвоятъ наконецъ образованые контрреволюціонеры, крайне отдаленное отношеніе къ существующимъ дѣламъ нашего отечества, и поговоримъ въ будущемъ №-рѣ, если намъ позволятъ мѣсто.

Редакторъ М. Драгомановъ.